НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА.

„Пров 49

№ 7

ВОЛЯ ЦАРСКАЯ
И
ВОЛЯ НАРОДНАЯ

Iшк

Изданіе 2-ое исправленное

Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ
и
Аграрно-Соціалистической Лиги.

1903 г.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

III
8

„Пров 49“

224674

I

19 февраля.

19 февраля 1855 года, подъ громъ севастопольскихъ пушекъ, подъ глухіе стоны тысячъ умиравшихъ русскихъ солдатъ, среди тяжкихъ вздоховъ крѣпостного народа—вдругъ разнесся протяжный, казенный колокольный звонъ по всей Русской Землѣ. Умеръ царь Николай Павловичъ и воцарился Александръ II. Засуетились по всей Руси чиновники, господа и помѣщики, понадѣвали на себя казенные парадные мундиры и трехуголки и тревожно поѣхали въ церкви; туда же погнали угрюмый, подневольный, крѣпостной народъ. Въ церквахъ прочитали попы о восшествіи на престолъ молодого царя Александра II и привели всѣхъ къ присягѣ. Разъѣхались чиновники снова по своимъ канцеляріямъ, помѣщики по своимъ усадьбамъ, а крѣпостной народъ опять, какъ и раньше, погнали на барщину.

Въ теченіе шести лѣтъ съ тѣхъ поръ въ этотъ день по звону церковнаго колокола выползали изъ своихъ норъ чиновныя крысы и помѣщики и ѣхали въ церкви, къ попамъ, справлять праздникъ восшествія на престолъ новаго государя. А рабочій народъ смотрѣлъ издали, тяжело вздыхалъ и молчалъ. Для него тутъ не было никакого праздника. Для него тянулись все тѣ же тягостные и унылые будни...

Но вотъ шесть лѣтъ спустя, въ тотъ же день 19-го февраля 1861 года—вдругъ прозвучалъ новый колоколъ и встрѣтилъ новый откликъ во всей трудовой Руси... Звонкимъ, зычнымъ голосомъ разнеслись его радостные звуки по Русской Землѣ изъ конца въ конецъ и по-

трясли, взволновали, оживили милліоны наболѣвшихъ сердецъ.

На этотъ разъ пасмурно высматривали лица помѣщиковъ и чиновныхъ крысъ; тревожно осматривались они вокругъ, волками смотрѣли на оживленныя и радостныя лица крестьянъ; за то встрепенулся крѣпостной рабочій народъ: оживились сердца, просіяли крестьянскія загорѣлыя лица, и полились изъ очей слезы чистой, дѣтской радости.

„Воля! воля! воля!“ на всю Русь гудѣлъ колоколъ. „Воля! воля! воля!“ отдавалось въ широкихъ поляхъ и лѣсахъ, въ каждой курной избушкѣ, по городамъ, по селамъ и деревнямъ. „Воля! воля! воля!“ шепталъ умирающій на печкѣ старикъ. „Воля! воля! воля!“ лепеталъ двухлѣтній младенецъ.

Запрудилъ народъ улицы, площади, церкви; затерялись, потонули мундиры въ этой необъятной народной толпѣ, какъ капля въ безбрежномъ морѣ... Это былъ не казенный и не поповскій праздникъ, не царскій день, это былъ народный торжественный праздникъ, это праздновалъ свое освобожденіе крѣпостной рабочій людъ... Этимъ днемъ 19 Февраля онъ думалъ начать новую, болѣе свѣтлую жизнь...

* * *

Шелъ годъ за годомъ. Ежегодно раздавалась въ этотъ день, 19 Февраля, колокольный звонъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ гуще набѣгали печальныя тѣни на лица рабочаго люда. Все рѣже и рѣже озарялись эти загорѣлыя лица радостной, праздничной улыбкой. Надежды на новую свѣтлую и привольную жизнь куда то уплыли и пропали. Опять потянулись тягостные, сѣрые, трудовые будни, и не прогоняетъ ихъ колокольный звонъ 19-го Февраля. Подъ этотъ звонъ по прежнему стали съѣзжаться по церквамъ больше все шитые мундиры да фуражки съ кокардами, казенныя головы съ казенными мыслями—не о народномъ освобожденіи, конечно, а о завтрашнемъ „двадцатомъ числѣ“, когда по всѣмъ при-

сутствіямъ, канцеляріямъ, казначействамъ и управамъ чиновники получаютъ свое ежемѣсячное жалованіе.

А народъ снова повѣсилъ голову и снова думалъ свою тяжелую думу...

Наконецъ смолкли и церковные колокола. Не стало видно въ этотъ славный день ни церковныхъ торжественныхъ службъ, ни мундировъ, ни военныхъ парадовъ... Стихло все и замерло, какъ будто самая память о великомъ народномъ праздникѣ быльемъ поросла. Забыли цари, забыли дворяне, богачи и чиновники—забыли все, что волновало изстрадавшійся въ кабалѣ народъ. Но рабочій народъ и всѣ его истинные, нелицемѣрные друзья не могли забыть этого дня. Нѣтъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше вспоминается имъ то время, когда такъ жадно ждали рабочіе люди благой вѣсти о волѣ.

Опять та же барщина, та же неволя: опять страдаютъ и томятся милліоны рабочаго народа, опять не въ терпежъ становится имъ тяжелая доля. Старое 19 Февраля не дало народу всего того, чего онъ ждалъ и на что надѣялся. И каждый годъ этотъ ден , 19 Февраля, напоминаетъ ему о томъ, что настоящая воля, настоящій свободный трудъ на себя, а не на праздныхъ тунеядцевъ-богачей да на спѣсивую чиновную шайку, —еще гдѣ-то тамъ, впереди, за вереницей долгихъ будничныхъ дней, полныхъ горькой нужды и угнетенія...

Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ народъ съ раскрытыми, умиленными сердцами встрѣтилъ царскій манифестъ о волѣ. Теперь стало ясно, что то была воля царская, а не воля народная; теперь всѣмъ стало ясно, что народная воля въ рукахъ царя, что ягненокъ у волка въ зубахъ: ее не *даютъ*, а силкомъ *вырываютъ*.

II

Царскій манифестъ.

Не со вчерашняго дня, однако, стали снова омрачаться лица трудового люда. Ужъ вскорѣ послѣ царскаго манифеста о волѣ крестьяне вдругъ почувствовали, что съ волей дѣло какъ будто неладно.

Со слезами радости сходился крѣпостной народъ по церквамъ выслушать царскую волю. Онъ вѣрилъ въ царя и готовъ былъ все забыть, все простить, что съ нимъ раньше дѣлали. А чего-чего не переиспыталъ онъ при крѣпостномъ правѣ! Помѣщики помыкали мужиками, какъ хотѣли,—морили на работѣ, запарывали на конюшнѣ, силкомъ женили и выдавали замужъ, насильничали и дѣлали всякія надругательства надъ крестьянскими женами и дочерьми, вымѣнивали и продавали крѣпостныхъ, мѣняли людей на собакъ; цари и царицы однимъ почеркомъ пера лишали свободы цѣлыя деревни, раздаривая ихъ въ собственность своимъ любимцамъ, придворнымъ прихвостнямъ и лизоблюдамъ; попы внушали мужикамъ полное повиновеніе и покорность начальству и помѣщикамъ, обѣщая награду на томъ свѣтѣ. И все это народъ, — незлобивый, какъ младенецъ, — готовъ былъ забыть и простить, какъ только прозвучалъ звонъ церковнаго колокола, созывавшаго народъ выслушать царскую волю...

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный русскій народъ!“ гласилъ манифестъ. И тысячи, милліоны рукъ поднялись, творя крестное знаменіе: отъ всей души, со слезами на глазахъ, съ трепетнымъ сердцемъ, рыдая отъ радости, молился народъ за „Царя-Освободителя“; молился такъ горячо, какъ не молился уже многіе вѣка.

А попы продолжали читать дальше и дальше желанный манифестъ. Прочли до конца, сложили бумагу—

а народъ не понялъ ничего... О волѣ ничего не сказано; но народъ и не думалъ объ этомъ. Сказано „свободный трудъ“—чего же еще больше, значитъ—настала воля. Насчетъ земли—тоже ничего не поняли. Слышали, что въ манифестѣ поминалось про „пахаря“, про „плугъ“, про „борозду“ да про „плоды“. Ну—думаетъ народъ—значитъ, земля—наша, царь за мужиковъ стоитъ: бери, говоритъ, пахарь, свой плугъ и паши, гдѣ хочешь! Такъ понялъ и истолковалъ народъ царскій манифестъ, написанный не простымъ языкомъ, а какой-то чиновничье-поповской тарабарщиной. Чего самъ народъ ждалъ, то онъ и царю приписалъ. Первое время и слушать ничего не хотѣлъ, только молился за царя да плакалъ отъ радости.

III

Первый блинъ да комомъ.

Наконецъ, съ легкимъ сердцемъ оправилъ народъ свои сохи и плуги, собирается міромъ выѣзжать въ поле—свою землю пахать... А земли то сколько!—ширь необъятная! паши, сколько силъ хватитъ!... Вдругъ подъ окошками опять старосты да десятники стоятъ да палкой стучатъ: „Эй, Сидоръ, Иванъ! на барщину! Криволучье пахать!“

— „Какая барщина?!“ спрашиваетъ народъ. „Что вы, съ ума, что ли, спятили съ вашимъ бариномъ? не слыхали нешто манифеста?“

— „Ничего не знаю, братцы, а только пріѣхало начальство и говоритъ, что царь, вишь, помѣщиковъ жалѣючи,—чтобы ихъ, значитъ, не сразу по міру пустить, —велѣлъ мужикамъ еще два года на нихъ поработать, на барщину походить.“

Опѣшилъ народъ, ничего не понимаетъ.

Всюду мировые посредники появились, тоже изъ дворянъ-помѣщиковъ,—споры между крестьянами и помѣщиками, вишь, улаживать. И они тоже говорятъ,

что еще два года царь велѣлъ ходить на барщину, и что пока крестьяне не поладятъ съ господами своими, они будутъ числиться временно-обязанными; а тѣмъ временемъ мужики должны будутъ порѣшить, чего они хотятъ: пойти ли на оброкъ или на выкупъ.

— Какой такой „оброкъ“? какой „выкупъ“? спрашиваетъ народъ.

— А вотъ въ „Положеніи объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“ въ такой-то статьѣ прямо сказано, что если крестьяне желаютъ выкупить землю у помѣщика, то они могутъ требовать себѣ б о л ь ш о г о, с р е д н я г о или м а л а г о надѣла. А если не хотятъ въ вѣчное владѣніе пріобрѣтать, то пусть на оброкъ садятся, т. е. ежегодно платятъ аренду помѣщику. А если, говоритъ, ни того, ни другого не хотите, то можете идти въ городъ и приписаться въ мѣщане, а вашу избенку продать или сломать, потому что земля нужна помѣщику. Такъ царь установилъ. Его воля царская, а мы только его исполнители-чиновники.

Заволновался народъ. Вѣрить никто не хочетъ, чтобы царь такую волю далъ: „Нашу собственную землю крестьянскую, вѣками нашей кровью-потомъ политую— помѣщикамъ отдалъ!.. Да гдѣ это видано, чтобы мужики свою земли выкупали да у помѣщиковъ въ аренду брали? Обманываютъ помѣщики и чиновники, скрываютъ отъ народа настоящую волю,—и народъ, и царя обманываютъ! Погоди, вотъ узнаетъ царь, онъ имъ задастъ, мошенникамъ! Братцы, не поддавайся, не идемъ на выкупъ!“

Такъ толковали мужики. Они думали, что ежели ихъ освобождаютъ, такъ это значитъ, что дошла до царскаго престола крестьянская слеза: царь узналъ—каково живется подъ помѣщиками его возлюбленному народу. Царь-де и раньше хотѣлъ народу добра, да только не зналъ, не вѣдалъ ничего,—а теперь провѣдалъ. А если такъ, значитъ, и воля должна быть настоящая, полная:

зольные крестьяне на *вольной землѣ*. Вотъ какъ думалось крестьянамъ.

Но дѣло то было не такъ просто, какъ имъ думалось. Посмотримъ же какъ дѣло было.

IV

Царь Николай I.

Почему состоялось на Руси освобожденіе крестьянъ? Этого крестьяне толкомъ не знали. За то знали объ этомъ даже очень хорошо наверху, около царя и министровъ.

Передъ Александромъ Вторымъ, котораго народъ прозвалъ „царемъ-освободителемъ“, на престолѣ царскомъ сидѣлъ его отецъ, Николай Первый. Человѣкъ онъ былъ грубый, суровый, жестокій и ума недалекаго. Круто при немъ приходилось всему народу и солдатамъ, и образованнымъ людямъ. Для народа не было ни суда, ни управы; вмѣсто судовъ и законовъ царили произволъ, крючкотворство; стряпчіе были взяточники, начальство —дневные грабители. Солдатъ при немъ замаривали на шагистикѣ, на вытягиваньи носковъ да на разныхъ ружейныхъ артикулахъ. Науку, ученыхъ, писателей и студентовъ во все время своего царствованія Николай преслѣдовалъ самыми страшными гоненіями.

Онъ хотѣлъ управлять однимъ страхомъ. И дѣйствительно, всѣ дрожали и трепетали передъ нимъ—и дома, и заграницей. Ему всюду чудилось неповиновеніе, и онъ рвалъ и металъ направо и налѣво. Доносчики, шпіоны, соглядатаи подслушивали каждое свободное слово, ловили всякую свободную мысль. Какъ могильная плита навалился царь на свою страну и лежалъ на ней цѣлыхъ 30 лѣтъ.

Съ престола озорство разлилось по всей Россіи; крестьянство стонало отъ звѣрства помѣщиковъ, отъ непосильной тяготы и позорной барщины. Розга, плеть,

палки и шпицрутены свистѣли по мужицкимъ и солдатскимъ спинамъ изъ конца въ конецъ Земли Русской.

Крестьяне, сидя на цѣпи въ помѣщичьихъ берлогахъ, стонали, молились за царя и думали: „Охъ, царь не знаетъ, какъ тутъ надъ нами мудруютъ! Ахъ, кабы онъ зналъ!.. Пошли ему Богъ дольше царствовать!..

Наконецъ и у долготерпѣливаго народа русскаго терпѣнье стало приходить къ концу. Пошли бунты—то тамъ, то сямъ; то тамъ, то здѣсь крѣпостные стали расправляться своимъ судомъ. За изнасилованіе дочерей, женъ и сестеръ, за промѣнъ людей на собакъ стали тайно и явно убивать помѣщиковъ. Все больше и больше крестьянъ уходило въ бѣга, на окрайны, къ казакамъ. Видно было, что народъ дошелъ до отчаянія, потерялъ всѣ надежды, протиралъ глаза, просыпался... Но крестьяне были разрознены, бунтовались въ одномъ селѣ и не знали, что дѣлалось въ другихъ мѣстахъ. А сверху-то царю и его лизоблюдамъ-опричникамъ все было видно. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше со всѣхъ сторонъ доносятъ про бунты. Все чаще и чаще вспыхиваютъ въ разныхъ мѣстахъ красные огоньки мятежа, — того и гляди, сольются они въ одинъ громадный пожаръ... Засуетились, забезпокоились, растревожились наверху...

Какъ ни былъ самоволенъ и упрямъ Николай, а видитъ, что дѣло плохо. Въ 1847 г. призвалъ онъ къ себѣ двухъ депутатовъ отъ смоленскихъ дворянъ да съ глазу на глазъ и говоритъ имъ: „Теперь я буду говорить съ вами не какъ государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земли принадлежатъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ихъ нашей кровью, пролитою за государство (вотъ то безстыдный враль!); но *я не понимаю*,—продолжалъ царь,—какимъ образомъ *человѣкъ сдѣлался вещью*, и не могу себѣ объяснить это иначе, какъ *хитростью* и *обманомъ* — съ одной стороны, и *невѣжествомъ*—съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. [То есть лучше освободить крестьянъ отъ барщины, чѣмъ ждать пока они сами освободятся.]

Крѣпостное право причиною тому, что у насъ нѣтъ ни торговли, ни промышленности."—Затѣмъ, Николай сказалъ, чтобы они объ этомъ здѣсь и министрамъ ни слова не говорили, а поѣхали бы къ себѣ въ Смоленскъ и тамъ подговорили дворянъ секретно обсудить, какъ это дѣло начать слѣдуетъ.

Вернулись дворяне, волей неволей шушукаться межъ собой стали; царь де намъ прямо сказалъ: крестьянъ освободить надо, а то всѣмъ плохо будетъ. Прослышалъ объ этомъ тамошній губернаторъ; сейчасъ доносъ министру Перовскому: такъ, молъ, и такъ; пріѣхали два депутата изъ Питера и всю губернію мутятъ, до крестьянъ даже слухъ дошелъ. Министръ самъ перепугался,—летитъ къ Николаю. Николай тоже смутился, что его въ освободительныхъ замыслахъ уличили, и говоритъ министру: „бунтовъ бояться нечего: у меня войскъ довольно. А губернатору напиши, чтобы этихъ дворянъ не трогалъ и въ это дѣло не мѣшался."

Всѣ министры растерялись и понять ничего не могутъ,—что правда, что нѣтъ. Слухи о намѣреніяхъ царя по всей Россіи пошли. Народный защитникъ и нашъ великій писатель, Бѣлинскій, тогда же въ частномъ письмѣ писалъ, что если дворяне не поспѣшатъ съ волей и будутъ дѣло тормозить, такъ имъ же дороже это обойдется: „Крестьяне сильно возмущены, спятъ и видятъ освобожденіе... Когда масса народная спитъ,—дѣлайте, что хотите—все будетъ по вашему, но когда она проснется, — не дремлите сами, а то быть худу."

Николай ужъ не радъ былъ, что чортъ его за языкъ дернулъ. Тутъ только онъ узналъ, что слово не воробей, выпустишь—не поймаешь. А тутъ какъ разъ изъ Парижа и Берлина вѣсти пришли, что рабочіе тамъ возстали и своимъ королямъ хвосты прижали. Французскій король тайкомъ насилу убѣжалъ, во Франціи провозгласили свободное народное правленіе, а прусскій король только тѣмъ и удержался на своемъ тронѣ, что передъ своимъ народомъ ласковой лисичкой прикинулся.

Царь Николай и вся вельможная свора его перетру-

силы до послѣдней степени. Валуевъ, который послѣ, при Александрѣ II, былъ одинъ изъ самыхъ злѣйшихъ притѣснителей-министровъ, вотъ какъ описываетъ этотъ придворный страхъ:

„Третьяго дня Віельегорскій привезъ вѣсть о народномъ возстаніи въ Берлинѣ. Вверху всѣ въ страшномъ смущеніи. Другіе придумываютъ сумасбродныя распоряженія. Бутурлинъ, напр,, совѣтуетъ закрыть всѣ университеты и гимназіи. Въ городѣ разносятъ уже безчисленныя нелѣпости о дальнихъ областяхъ имперіи. Вчера утверждали, что въ Тифлисѣ и Варшавѣ вспыхнуло возстаніе, и что въ Ригѣ въ какомъ то клубѣ состроили баррикаду. Сановники въ озлобленіи думаютъ лишь о способахъ *давить* все, что смѣетъ думать о нихъ неодобрительно и не льстить имъ."

А что же Николай?

Ваше величество—говорятъ ему,—крестьяне поговариваютъ, а писатели пописываютъ, всюду слухи носятся, что вы крестьянъ освободить вздумали. У Николая все сердце закипѣло. Вскорѣ послѣ этого, весной 1848 г., явился онъ въ собраніе дворянъ Петербургской губерніи и обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: „Господа дворяне! не вѣрьте *нелѣпымъ слухамъ*, которые съ восторгомъ принимаются крестьянами. Я не боюсь внѣшнихъ враговъ, но у меня есть *внутренніе*, болѣе опасные враги. Противъ нихъ-то мы и должны вооружиться и стараться охранить себя, и въ этомъ я полагаюсь на васъ. Благодарю дворянъ Петербургской губерніи за адресъ, который они мнѣ хотѣли поднести: въ чувствахъ привязанности ихъ ко мнѣ и отечеству я не сомнѣваюсь и за удовольствіе поставляю принадлежать къ ихъ сословію, потому что я и жена моя (царица)—то же помѣщики петербургскіе."

Такъ тѣмъ и кончилась Николаевская *царская воля*.

Николай, однако, университетовъ не закрылъ совсѣмъ, а только приказалъ: больше 300 студентовъ ни въ одинъ университетъ не принимать; ученыхъ заграницу не пускать; въ университеты книгъ иностранныхъ больше не

выписывать. Многія науки были послѣ этого въ Россіи подъ царскимъ запретомъ, а въ Харьковскомъ университетѣ читать философію назначили *частнаго пристава*. Въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ даже дворянскихъ дѣтей засѣкали розгами до смерти. Ученые люди, солдаты и крестьяне—задыхались совсѣмъ.

А тутъ еще подоспѣла Крымская война. Царь Николай съ сосѣдями держался гордо и неуступчиво. Наконецъ, перессорился съ французами и англичанами, и они пошли войной на русскихъ, чтобы обуздать царя. Пожаловали къ намъ сообща незванные гости въ Крымъ, подступили подъ Севастополь. Круто пришлось Николаю. Правда, стойко стояли русскіе солдатики, геройски умирали тысячами отъ непріятельскихъ пуль, а еще того больше отъ голода да отъ болѣзней. Тутъ-то и сказалось, сколько гнили развелось при Николаѣ въ Русской землѣ.

Вотъ что писалъ въ 1855 г. съ юга Россіи другой народный радѣтель, профессоръ Грановскій: „Еще годъ войны и вся южная Россія разорена. Надобно самому съѣздить да посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Когда правительство требуетъ рубль, мѣстное начальство распорядится такъ, что заставитъ народъ заплатить втрое, и дѣлается все это безсмысленно и подло.“

И дѣйствительно, творились невѣроятныя вещи.

Все высшее и низшее начальство снюхалось съ поставщиками: сами наживали милліоны, а солдатъ морили гнилыми сухарями и водили въ сапогахъ на картонныхъ подошвахъ; даже порохъ и корпію продавали непріятелю, а вмѣсто проданнаго пороха подсыпали песку. Войска ходили голодныя да ободранныя. Желѣзныхъ дорогъ не было, подкрѣпленія приходили не во время. Большинство генераловъ оказалось никуда негодными, потому что высшія мѣста раздавались не по заслугамъ, а по знатности да по угодливости. У французовъ и англичанъ ружья были пистонныя, а у насъ кремневыя — еще отъ царя Гороха остались. У непріятеля были даль-

нобойныя, а у нашихъ какія то мѣшалки и били, что называется, на сто шаговъ съ подбѣгомъ. Объ шагистикѣ и ружейныхъ артикулахъ царь заботился, а объ здоровьи и продовольствіи солдатъ мало думалъ.

Армія рѣдѣла и съ каждымъ днемъ таяла, какъ восковая свѣчка. Царь обратился къ помѣщикамъ, чтобы набирали изъ своихъ крестьянъ ополченія и гнали на войну. Казна истошилась, народъ былъ разоренъ, съ помѣщиковъ — взятки гладки. Народъ шелъ на войну неохотно; солдаты терпѣть не могли своихъ изверговъ-начальниковъ. А тѣ, кого силой гнали, помирали иной разъ съ голоду и болѣзней, еще не успѣвши взглянуть на непріятеля. Недовольство среди крестьянъ разливалось по всей землѣ. Ополченцы, возвращаясь домой, разсказывали, что видѣли и слышали. Война всколыхнула и народъ, и все образованное общество. Лучшіе, честнѣйшіе, ученѣйшіе люди негодовали, видя, до чего царь довелъ Русскую Землю. Народъ ропталъ и жаждалъ воли. Бунты противъ помѣщиковъ стали чаще противъ прежняго.

Видитъ царь, что его пѣсенка спѣта. Войскъ у него нѣтъ, казна пуста, воевать дольше не на что. Съ народа взять больше нечего — безъ того ужъ ободранъ весь, а помѣщики сами только мужиками и живы: что съ мужика сдерутъ, то тотчасъ же и промотаютъ. Видитъ царь, что теперь уже не война идетъ, а простая бойня. А тутъ со всѣхъ сторонъ ему доносятъ, что народъ недоволенъ, солдаты ропщутъ.

И вотъ ему, всесвѣтной грозѣ и самовластному царю, котораго всѣ боялись и въ своей, и въ чужихъ странахъ, приходится просить пардону у непріятелей, согласиться на всѣ ихъ требованія и заключить позорный для себя миръ... А онъ не могъ не сознавать, что онъ самъ во всемъ виноватъ, самъ привелъ царство на край погибели, развелъ въ немъ неправду, беззаконія, притѣсненія слабыхъ сильными. Выходитъ теперь, что нужно все сызнова передѣлывать, исправлять и выводить все, что напортилъ за цѣлое царствованіе... По-

нялъ онъ ясно свое положеніе, все свое безсиліе; понялъ, что онъ теперь живой мертвецъ на тронѣ, — и вотъ онъ принялъ ядъ и умеръ, предоставивъ молодому сыну спасать свое разстроенное наслѣдство, выворачиваться, какъ знаетъ, изъ бѣды, и ослабить крѣпостное ярмо, которое наложили на народъ прежніе цари, и отъ котораго цѣлые вѣка стономъ стонала вся Русская Земля.

V

Приготовленія къ волѣ.

19 февраля 1855 года вступилъ на престолъ молодой царь Александръ II. Круто ему пришлось: воевать дольше нельзя, народу, пушечнаго мяса, — много, а казна — пуста. Помѣщики по прежнему въ усъ себѣ не дуютъ и ведутъ свою прежнюю линію. Сидятъ себѣ спокойно въ помѣстьяхъ своихъ и думаютъ: одинъ царь умеръ, другой наступилъ, значитъ — и намъ снова будетъ хорошо; вѣдь, мы — единственная надежная опора трона. А того не видятъ, что творится по всей Руси — до этого имъ и горюшка мало. Но молодому царю и болѣе умнымъ изъ его ближайшихъ совѣтниковъ видно было, что такъ или иначе, а приходится перетрясти всю старую государственную рухлядь. Надо было приступать къ дѣлу немедленно. Но съ чего начать?

Самые сообразительные и умные изъ его совѣтниковъ стояли за то, чтобы царь на первыхъ порахъ обласкалъ народъ, внушилъ ему вѣру въ себя, подалъ какъ можно скорѣе надежду на волю — чтобы народъ сидѣлъ смирно, терпѣливо ждалъ и не бунтовался. Для этого подъ рукой можно слухи распустить, ничего прямо никому не объявляя. Вторымъ дѣломъ — уговорить хоть самыхъ толковыхъ и покладистыхъ помѣщиковъ, чтобы они зря не упрямились, не упирались, — и открыть имъ глаза на все: если они хотятъ, чтобы у нихъ осталось ребятишкамъ на молочишко, пусть не

ждутъ, пока народъ изъ терпѣнія выйдетъ, а спѣшатъ сами царя поддержать и будто бы по своей волѣ отпустить крестьянъ на волю. Народъ русскій простъ, соображали ловкіе люди: онъ сейчасъ повѣритъ всему. Только бы онъ опять въ царя увѣровалъ, а тамъ ужъ мы все уладимъ, наше дѣло опять будетъ въ шляпѣ.

Сказано — сдѣлано. Прежде всего, конечно, поторопились заключить миръ. Побѣдители смягчились къ новому, молодому царю, и условія мира оказались легче, чѣмъ можно было ожидать.

Заключивши миръ, царь поскакалъ въ Москву, собралъ дворянъ и сказалъ имъ, что и для народа надобно что нибудь сдѣлать, — дать ему хоть какую ни на есть свободу. Туго поддавались московскіе дворяне. Большинство изъ нихъ были народъ упрямый, заматорѣлый въ своевольствѣ, да и ума невеликаго: дальше своего носа рѣдкій что нибудь видѣлъ. Царь имъ тутъ все начисто и объяснилъ, что ждать дольше нельзя, что они слѣпы, а ему сверху виднѣе все положеніе.

„Любезные мои дворяне, — говорилъ царь, — поспѣшимъ дать волю **сверху**, какъ бы добровольно, въ видѣ нашей милости и снисхожденія къ народу, а не то народъ возьметъ ее **снизу**, то есть самъ выйдетъ изъ повиновенія, возстанетъ поголовно и вырветъ свою побѣду изъ нашихъ рукъ силой. Подумайте сами, что онъ намъ тогда оставитъ. Я вамъ зла не могу хотѣть, я объ вашей же пользѣ забочусь. Вѣдь, вы — дворяне, и я — первый дворянинъ среди васъ. Вы — помѣщики, и я—первый помѣщикъ среди васъ. Ваши крестьяне и земли — помѣщичьи, а мои — удѣльные. Поймите, что нашъ интересъ общій. Могу ли я васъ въ обиду дать? Помогите же мнѣ: собирайте по всей землѣ дворянскія собранія и подавайте мнѣ поскорѣе прошенія, что вы сами желаете своихъ крестьянъ освободить. А мы тѣмъ временемъ сообща придумаемъ, какъ лучше выкрутиться изъ общей бѣды“.

Поморщились помѣщики, однако должны были согласиться, что и вправду больше податься некуда. Иначе

хуже будетъ — съ народомъ шутки плохія, коли самъ начнетъ дѣйствовать. Рѣдкій изъ помѣщиковъ не чувствовалъ за собой — либо за семьей своей — ст рыхъ грѣховъ. Не знаютъ, что дѣлать. Пошла у нихъ разноголосица: одни — подаются, другіе — упираются, слышать ничего не хотятъ. А царь и главныя приближенныя лица напираютъ, понукаютъ, гдѣ милостивымъ словомъ, а гдѣ и строгостью.

Вотъ и стали собирать повсюду помѣщики свои дворянскія собранія и стали, наконецъ, съ разныхъ сторонъ писать царю прошенія или адреса. Нашлись среди нихъ и честные, мягкіе сердцемъ люди, какъ нѣкоторые изъ Тверскихъ дворянъ, у которыхъ совѣсть зазрила, что они владѣютъ такими же людьми, созданными по образу и подобію божьему, словно рабочей скотиной. На помѣщиковъ, которые искренно хотѣли отпустить на волю крестьянъ, другіе дворяне глядѣли, какъ на выродковъ, терпѣть ихъ не могли, называли *красными*, или *соціалистами*. Большинство помѣщиковъ и подумать не могло безъ страха о своей судьбѣ. Думали: „народъ — звѣрь; дай ему свободу — въ клочки разорветъ“. Злобой у дворянъ сердца кипятъ, а сами жалостливо такъ пишутъ: „Всемилостивѣйшій Государь, всеподаннѣйше Васъ просимъ, соблаговолите объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ подумать...“

И пошли всѣ ломать комедію... Царь въ отвѣтъ на просьбы помѣщиковъ сталъ собирать разныя коммиссіи изъ тѣхъ же дворянъ — для обсужденія, какіе законы о крестьянахъ отмѣнить и какіе новые установить; какъ лучше крестьянъ обойти, какъ сдѣлать такъ, чтобы и крестьянъ обнадежить, и дворянъ съ царемъ не обидѣть; какъ будто и волю дать и въ тоже время народъ изъ своихъ рукъ не выпустить; поднести ему тотъ же пирогъ да съ другой начинкой.

Въ это время особенно ратовалъ за крестьянъ писатель Николай Гавриловичъ Чернышевскій, писавшій въ журналѣ „Современникъ“. Въ 1864 году онъ былъ сосланъ за свою защиту народа—за проповѣдь соціализма на каторгу,

откуда вернулся лишь въ 1883 г. Умеръ онъ въ 1889 г. Имя этого мученика за народное дѣло, *духовнаго отца русскихъ соціалистовъ*, должно быть свято для русскаго народа. Вотъ этотъ-то Чернышевскій, Добролюбовъ, и многіе другіе соціалисты изъ ученыхъ людей, писателей, студентовъ видѣли, что крестьянамъ готовится ловушка. Они стали во всеуслышаніе требовать и въ газетахъ писать, что крестьянамъ должно непремѣнно отдать всю землю, какую они обрабатывали при крѣпостномъ правѣ. Земля должна быть общимъ народнымъ достояніемъ, пользоваться ею должны тѣ, кто работаетъ на ней своими, а не чужими руками. Тогда этихъ ученыхъ людей стали тѣснить: запрещали имъ писать, сжигали ихъ книжки и статьи.

Отцовскіе законы о печати Александръ II и не думалъ отмѣнять, а этими законами запрещалось вообще „всякое разсужденіе въ печати о потребностяхъ и средствахъ къ удовлетворенію какой либо отрасли государственнаго хозяйства въ имперіи“. При такихъ законахъ сами цензора (т. е. чиновники, наблюдающіе, чтобы въ книжкахъ не печатали ничего неудобнаго правительству) не знали, что можно разрѣшать, и чего нельзя. Самихъ цензоровъ выгоняли со службы, если они пропускали въ печать, что царю и министрамъ не нравилось; одного цензора выгнали за то, что онъ позволилъ напечатать въ газетахъ царскій рескриптъ. Не даромъ одинъ изъ этихъ цензоровъ, Никитенко, писалъ въ своемъ дневникѣ, — что нѣкоторые цензора сдѣлали изъ цензуры „съѣзжую и обращались съ мыслью, какъ съ ворами и убійцами“. „Министръ Юстиціи графъ Панинъ и др., — пишетъ тотъ же цензоръ Никитенко, — внушали царю, что всѣ революціи происходятъ отъ литературы“.

А какъ самъ царь-освободитель относился къ свободному слову?

А вотъ судите сами. Въ 1858 г. министръ народ. просв. Ковалевскій написалъ докладъ царю и просилъ его отмѣнить нѣкоторыя стѣсненія по своему вѣдом-

ству, которыя не согласны съ *прогрессомъ* гражданственности. Царь освободитель, увидя слово „прогрессъ", напоминающее „свободу" — возмутился и тутъ же собственноручно положилъ резолюцію: „Что за прогрессъ!!! прошу слова этого не употреблять въ оффиціальныхъ бумагахъ". Резолюцію эту немедленно передали министру вн. дѣлъ, графу Блудову, а этотъ послѣдній тотчасъ же по всей Россіи запретилъ всѣмъ чиновникамъ употреблять это слово.

При такихъ условіяхъ соціалисты начали печатать тайныя газеты и книги, открывать глаза студентамъ, образованному обществу и всему народу. Они видѣли, что помѣщики всячески хотятъ затянуть, замедлить освобожденіе, исказить его, и при освобожденіи совсѣмъ крестьянъ ограбить.

Денежные люди, купцы, тоже стояли за освобожденіе крестьянъ. При крѣпостномъ правѣ имъ было плохо. Всякъ знаетъ, что, несмотря на ихъ толстую мошну, дворяне да важные господа имъ тоже бороды рвали да плетью ихъ хлестали. Хоть имъ до крестьянъ и мало дѣла было, а все таки и они сначала стояли за народъ, — не прочь были досадить помѣщикамъ. Промышленнымъ людямъ — заводчикамъ, фабрикантамъ — тоже хотѣлось, чтобы крестьяне были вольные, могли безъ спроса у помѣщика наниматься къ нимъ въ рабочіе. Они знали, что въ безсудной, крѣпостной землѣ ни правильной торговли, ни промышленности нельзя было вести; стали требовать освобожденія крестьянъ, правильнаго суда, земскаго да городского самоуправленія. А много ли крестьянамъ дадутъ земли — это ихъ не касалось: коли мало, такъ пожалуй еще лучше, — больше неимущаго, бѣднаго народа пойдетъ къ нимъ кланяться, проситься на фабрики и заводы, дешевле будутъ рабочія руки.

А самъ простой народъ ничего не видѣлъ и не подозрѣвалъ, о чемъ тамъ царь, господа и чиновники шушукаются; не зналъ также, о чемъ пишутъ въ тайныхъ листкахъ соціалисты... Не хотѣлъ народъ вѣрить, что-

бы царь могъ народу подвохи заодно съ помѣщиками строить. Всѣ вѣрили царскому слову: „царь волю обѣщалъ, царь волю готовитъ!“ Кабы не вѣра въ царя, можетъ, ужъ давно бы разнесли своихъ вѣковыхъ недруговъ; можетъ, и съ своими друзьями, соціалистами, спознались, ихъ послушались; а теперь всѣ — „подождемъ“, твердятъ, „потерпимъ еще, скоро намъ вся наша полная воля объявится!“

Между тѣмъ, готовясь къ такому великому всенародному дѣлу и стремясь какъ можно лучше обойти крестьянъ, царь-освободитель съ своими министрами и совѣтниками, какъ воры, крались во тьмѣ. Никому открыто не говорили о волѣ, только въ своихъ канцеляріяхъ шушукались. Самъ товарищъ министра вн. дѣлъ Левшинъ пишетъ объ этомъ вотъ что:

„Тайна была нужна и страшна при самомъ приступѣ къ освобожденію крестьянъ, потому что боялись преждевременнаго открытія этого милліонамъ крѣпостныхъ людей; къ тому же въ понятіяхъ большей части пожилыхъ людей, не исключая многихъ членовъ высшаго правительства, освобожденіе крестьянъ должно было неминуемо вызвать кровопролитіе и требованіе *политической свободы*“. — Всѣ бумаги по крестьянскому вопросу хранились у этого министра Левшина и онъ держалъ ихъ въ заперти за собственнымъ ключемъ, а для переписки приглашалъ одного писца, Федорова, который, по словамъ министра былъ замѣчателенъ „по молчаливости и меланхоліи своей“.

Вотъ почему, какъ ни бились Чернышевскій, Добролюбовъ и другіе ихъ товарищи-соціалисты изъ студентовъ и ученыхъ людей, что за народъ грудью стояли и своей жизни не жалѣли; какъ ни хотѣлось имъ повернуть освобожденіе на настоящую дорогу, разстроить всю хитрую дворянско-чиновничью механику, а ничего подѣлать не могли — крестьяне о нихъ не знали, опереться было имъ не на кого, а одинъ въ полѣ не воинъ. Тогда было не то, что теперь. Теперь грамота шибко въ ходъ пошла, а тогда народъ жилъ пришибленный, придавленный крѣпостнымъ

правомъ, жилъ въ полной темнотѣ и невѣжествѣ и, бывало, слѣпо вѣрилъ всему, что ему ни скажутъ начальство да попы. Теперь много рабочаго люда во всѣхъ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ, да и деревня съ городомъ постоянно сообщается; а тогда деревня отъ города была словно отрѣзана: фабричныхъ было мало, крестьяне жили словно грибы, приросшіе къ одному мѣсту, не зная, что дѣлается за ихъ околицей. Теперь сколько ни объявляй „усиленныхъ охранъ", рабочій ужъ рядомъ со студентомъ на улицѣ, — стоятъ за одно. А тогда было не то. Да и не мудрено, — всякому извѣстно, какой грамотѣй былъ крѣпостной мужикъ.

VI

Дворянскіе совѣты.

Между тѣмъ чиновничья механика подвигалась своимъ чередомъ. Царь собралъ уполномоченныхъ отъ помѣщиковъ, предводителей дворянства, и вмѣстѣ съ министрами, сенаторами, генералами и другими хищными волками открылъ совѣщанія: волчій совѣтъ удумывалъ, какъ освободить овецъ... Такимъ-то манеромъ готовились они всучить народу вмѣсто той воли, которую онъ самъ себѣ желалъ и ожидалъ, другую — царскую, дворянскую, чиновничью волю. Понятно, что изъ такой воли не могло выйти ничего, кромѣ той же неволи, только на другой ладъ.

Поставили первый вопросъ: какъ освободить крестьянъ — съ землей или безъ земли? и за кѣмъ признать землю — за крестьянами или за помѣщиками?

Соціалисты въ своихъ газетахъ, журналахъ и книжкахъ писали, что народъ—хозяинъ земли: всѣ, кто пашетъ и обрабатываетъ ее своими руками, тѣ и должны распоряжаться и пользоваться ею сообща, по справедливости, по равненію. Соціалисты радовались, что въ Россіи такъ распространено мірское владѣніе землей. Но

этого, по ихъ взглядамъ, было недостаточно. Весь народъ, говорили они, долженъ составить одинъ большой міръ и распоряжаться всей землей такъ, чтобъ пользовался ей тотъ, кто ее обрабатываетъ своимъ трудомъ. Всѣ помѣщики лишь царской милостью да насиліемъ присосались къ крестьянамъ — говорили соціалисты; земля изстари вѣковъ принадлежала народу, а потому — ее нужно объявить всенародной собственностью, и никому отдѣльному человѣку — ни помѣщику, ни купцу, ни даже крестьянину — въ вѣчную собственность ее ни подъ какимъ видомъ не отдавать и не продавать. Такъ вѣдь часто и сами крестьяне дѣло понимаютъ. Они никого ограбить не хотятъ: если дворянинъ или купецъ самъ пахать захочетъ — изволь, сдѣлай милость, бери, паши со всѣми наравнѣ — земли на всѣхъ хватитъ. А только — торговать да барышничать землей, да чужими руками на ней жаръ загребать — не смѣй! Бросишь работу, уйдешь въ городъ на службу или по торговому дѣлу, — земля ужъ больше не твоя, она отъ тебя отходитъ и опять поступаетъ въ общее распоряженіе. Но передать въ общее владѣніе землю — этого еще мало, говорили соціалисты. Какъ съ землей, такъ надо поступить и съ фабриками: кто работаетъ, тотъ и пользуйся доходами, по равненію, сообща. Во всей странѣ должно быть установлено общее народное хозяйство, общій трудъ на общую пользу. При такомъ порядкѣ всякому дармоѣдству будетъ положенъ скорый и вѣрный конецъ.

Понятно, что не по нутру пришлись эти рѣчи всѣмъ сенаторамъ, дворянамъ, енераламъ, министрамъ и самому царю. Стали они еще пуще преслѣдовать соціалистовъ, а сами удумываютъ, какъ бы все наоборотъ имъ сдѣлать. Вотъ и порѣшили, чтобы землю оставить вѣчной частной собственностью. Крестьяне, бывало, говаривали помѣщикамъ: „земля наша, а мы ваши“. Теперь помѣщикамъ хотѣлось наоборотъ повернуть: коли ужъ нельзя оставить крестьянъ за помѣщиками, такъ, — чортъ съ ними, пусть уходятъ на волю, только бы признали землю помѣщичьей.

Большая часть царскихъ совѣтниковъ и приближенныхъ спервоначалу хотѣли было крестьянъ отпустить въ одной рубашкѣ: съ нихъ, молъ, и того довольно, что на волю даромъ выпускаютъ. Прежде, молъ, мы тоже кой-кого на волю отпускали, да еще деньги за это брали. Вольноотпущенный за милость почиталъ, что хоть въ одной рубахѣ уходилъ. „Нѣтъ, — говорили царскіе совѣтники и большинство дворянъ, — землю мы должны непремѣнно оставить за собой. Отдать землю крестьянамъ, чѣмъ же мы-то будемъ жить? Не работать же намъ, какъ мужикамъ“.

Но царь и самые разсудительные изъ его приближенныхъ отвѣчали: „Много справедливаго въ вашихъ словахъ, только вы опять забываете, что народъ ужъ толкуетъ вездѣ о волѣ и ждетъ только, чѣмъ у насъ дѣло кончится. Ну, какъ же я, царь, могу ему теперь сказать: ты свободенъ — ступай нагишомъ! нѣтъ тебѣ земли, земля вся помѣщичья! Да вѣдь народъ и слушать не станетъ. Крест яне скорѣй позволятъ всѣхъ до одного себя перерѣзать, чѣмъ отдадутъ землю. Нѣтъ, съ такимъ манифестомъ нечего и думать выступать передъ народомъ. За это народъ разнесетъ и васъ и меня. Да и то сказать: какъ же тогда съ крестьянъ подати въ казну собирать, если имъ нисколько земли не оставить?“

А самый умный совѣтникъ царя по освобожденію крестьянъ, — предсѣдатель Редакціонной Комиссіи, — Ростовцевъ, про котораго крѣпостники распускали всякія клеветы и наушничали царю, передъ смертью сказалъ въ этой Комиссіи слѣдующее: „На меня клевещутъ въ высшемъ аристократическомъ (т. е. придворномъ) обществѣ, будто я написалъ дворянству: если де хотите сберечь ваши головы, то отдайте крестьянамъ земли. Могъ ли я это сказать, и куда мнѣ было писать? Но какъ отнять отъ насущнаго хлѣба 11 милліоновъ, а а если считать людей обоего пола, то 22 милліона душъ?.. *Я увѣренъ*, что если у нихъ совсѣмъ отрѣзать земли, то будетъ *пугачевщина* (я говорю это между собою, въ дружескомъ обществѣ) и не могу не предвидѣть въ

такомъ случаѣ страшныхъ обстоятельствъ, страшныхъ потрясеній, которыя ожидаютъ бѣдную Россію."

И опять пришлось согласиться съ царемъ и его умнымъ совѣтникомъ... Однако, и своего имъ упускать не хочется. „Правда", говорятъ дворяне и сенаторы, „совсѣмъ безъ земли отпустить опасно, да можетъ быть и не совсѣмъ выгодно. Пойдетъ народъ бродить, новыхъ мѣстъ искать, а мы безъ рабочихъ останемся. Что тогда съ землей дѣлать? Не ѣсть же ее сырьемъ. А вотъ какъ надо сдѣлать. Всю землю признать личной собственностью помѣщиковъ, а крестьянамъ за то дать право выкупить часть земли, и заранѣе назначить обязательныя цѣны,—на случай, если не состоится добровольнаго соглашенія. А чтобы крестьяне не упрямились и чтобы намъ самимъ сразу на мель не сѣсть,—освобождать ихъ не сразу; а пусть послѣ манифеста они побудутъ еще нѣсколько годковъ на положеніи не то вольныхъ, не то крѣпостныхъ, середка не половинку: назовемъ хоть-бы такъ—*временно-обязанными*. Сразу возжи распускать не годится. Да потомъ нужно установить надъ ними побольше всякаго начальства, чтобы ихъ можно было всегда въ уздѣ держать. Земли много тоже давать не слѣдуетъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ можно разно и надѣлить, да такъ, чтобы у мужиковъ земли всегда нехватка была, чтобы они всегда въ нашей землѣ нуждались. А чтобы народъ зря не бродилъ, надо ввести паспорты. Да и выкупъ нужно наложить такой, чтобы намъ, помѣщикамъ, обидно не было. Конечно, мужики сразу уплатить намъ выкупъ не смогутъ, такъ пусть за нихъ намъ казна выдаетъ деньги за купчую землю; а она потомъ пусть ужъ сама взыскиваетъ эти деньги по частямъ въ податяхъ съ тѣхъ же мужиковъ. А чтобы и казнѣ нажива была, пусть она взыскиваетъ съ мужиковъ выплаченныя намъ за нихъ деньги съ лишечкомъ, пусть наложитъ на нихъ процентъ. Такъ-то вотъ, пожалуй, все ладно будетъ".

Подумали-подумали, и даже самые упрямые согласились, что это ловко придумано. Рѣшаютъ—быть по сему!

Но самые ехидные помѣщики и этимъ были не совсѣмъ довольны. Они начали безъ всякаго стыда выкладывать все, что было у нихъ на душѣ. „Намъ“ говорили они, „своей земли и хозяйства все равно не удержать. Ничего мы не смыслимъ въ хозяйствѣ. Сотни лѣтъ владѣли мы землей и крестьянами, а хозяйство вести не научились—всѣмъ у насъ бурмистры да старосты изъ тѣхъ же крестьянъ ворочали. До сихъ поръ можно было жить, потому что въ рукахъ палка была, а теперь вольный мужикъ никого слушать не станетъ. Тутъ нечего скрывать: всѣмъ намъ разоренье грозитъ. Всѣ наши земли понемногу либо къ крестьянскимъ обществамъ, либо къ купчишкамъ да богатымъ кулакамъ перейдутъ. Кому изъ насъ теперь охота будетъ въ помѣстьяхъ жить? все купи, да все найми: ни слуги, ни дворовыхъ, ни лакеевъ... А вѣдь мы — не купчишки, торговаться не умѣемъ; мы привыкли жить широко; скряжничать да копейки разсчитывать — не наше дѣло. Что спросятъ, то и заплатишь, пока деньги есть. А какъ выкупныя деньги проживемъ, что тогда дѣлать будемъ? Къ купцамъ, въ приказчики, что-ли, идти прикажете?

Крѣпко призадумались всѣ. Рѣдкій про себя объ этомъ втайнѣ того-же не помышлялъ. Думали-думали и наконецъ большинство стало утѣшать себя тѣмъ, что все спасеніе дворянства отъ разоренія и неминуемой гибели лежитъ въ царскомъ самодержавіи. Свой своему поневолѣ другъ. А царь не даромъ про себя сказалъ, что онъ первый дворянинъ и самый крупный на Руси помѣщикъ. Значитъ, пока власть будетъ въ его рукахъ — онъ не дастъ дворянъ да помѣщиковъ въ обиду. Лишь бы царь попрежнему правилъ всей землей самодержавно, единовластно. Одному ему, конечно, съ такой махиной управиться нельзя; вотъ онъ и будетъ по прежнему ставить около себя помощниковъ, тѣ расплодятъ около себя другихъ подручныхъ, другіе — третьихъ, третьи — четвертыхъ, и такъ протянется отъ царя до послѣдняго урядника, отъ середины къ краямъ—цѣлая

паутина казенныхъ фуражекъ да околышей. Послѣ отмѣны крѣпостного права потребуется многое множество должностныхъ лицъ, тысячи тысячъ чиновниковъ. Тутъ-то прогорѣвшимъ дворянамъ и очистится множество тепленькихъ мѣстечекъ. Только бы чиновники, какъ и прежде, ни передъ кѣмъ не отвѣчали, кромѣ царя и своего высшаго начальства; *пусть они отъ народа не зависятъ*, тогда оно и выйдетъ, что мужики по прежнему будутъ въ рукахъ у господъ, хотя и будетъ сдѣлана видимость, что крѣпостному народу воля дана.

VII

Какъ царскую волю объявили и вводили.

Наконецъ тайные совѣтники царя все умненько про себя обдумали, составили манифестъ и принесли царю подписать. Манифестъ былъ написанъ короче, проще и легче, чѣмъ тотъ, который потомъ объявили. Царь прочелъ его, и вдругъ на него оторопь нашла. А ну, какъ народъ сразу все пойметъ и весь всколыхнется, заволнуется? Что тогда со всѣмъ народомъ подѣлаешь? Надо манифестъ умненько написать. Царь зналъ, что московскій митрополитъ Филаретъ за крѣпостниковъ стоялъ и всячески противъ освобожденія крестьянъ ратовалъ. Прежде чѣмъ подписать манифестъ, онъ велѣлъ его Филарету отослать, чтобы тотъ его прочиталъ, пересмотрѣлъ и, если нужно, своимъ святительскимъ перомъ исправилъ. Но Филаретъ отказался и вернулъ манифестъ: безъ меня, говоритъ, вы задумали крестьянъ освобождать, безъ меня манифестъ составили, безъ меня и кончайте, безъ меня и передъ Богомъ отвѣчайте. Царь опять послалъ къ нему манифестъ: христомъ-богомъ проситъ его святительскаго благословенія и совѣта. Наконецъ, Филаретъ, скрѣпя сердце, принялся исправлять манифестъ. Перевернуть всего дѣла ему, конечно, ужъ нельзя было, вотъ онъ и рѣшилъ такъ передѣлать

манифестъ, такого напустить туда туману, чтобы и хорошо грамотный человѣкъ ничего сразу не понялъ. Всѣ простыя, радостныя и понятныя для крестьянъ словечки онъ изъ прежняго манифеста выкинулъ, замѣнивъ ихъ поповской тарабарщиной, и такъ длинно размазалъ манифестъ, что прежде чѣмъ прочтешь его до конца, десять разъ заснуть можно.—Продѣлавши это, Филаретъ отослалъ манифестъ царю. Царь прочелъ, сразу самъ не все понялъ и потому немного успокоился.

Подъ страшнымъ секретомъ было рѣшено въ совѣтѣ, что 19 февраля 1861 года, въ 6-ой годъ своего царствованія, царь подпишетъ наконецъ исправленный Филаретомъ манифестъ. Никто, кромѣ самыхъ приближенныхъ къ царю лицъ, ничего не зналъ, ничего не вѣдалъ. Наконецъ насталъ этотъ памятный день; привезли царю манифестъ. Въ страшной тревогѣ ушелъ царь одинъ въ свой кабинетъ и тамъ подписалъ... Съ этого момента 20 слишкомъ милліоновъ человѣческихъ душъ формально превратились изъ рабовъ въ „вольныхъ“ людей.

А между тѣмъ самъ народъ ничего этого не зналъ. 19 февраля манифестъ былъ подписанъ, а между тѣмъ царь и министры не рѣшились тотчасъ же объявить его, какъ бы слѣдовало, а секретно сговорились отложить его объявленіе до 5 марта, до прощенаго воскресенья, въ послѣдній день масляницы. Однако, хотя народъ ничего не зналъ, что тамъ наверху дѣлается, но онъ съ нетерѣніемъ ждалъ 19 февраля и былъ твердо увѣренъ, что дальше ужъ не посмѣютъ откладывать и въ этотъ день непремѣнно объявятъ манифестъ. Онъ смѣло началъ говорить объ этомъ. Царь и правительство видятъ, что дальше въ жмурки играть нельзя. Но страхъ передъ народомъ былъ такъ великъ, что царь и правительство и тутъ стали хитрить. Чтобы успокоить волненіе, они объявили стороной, что манифестъ появится на второй недѣли великаго поста, тогда какъ сами ужъ рѣшили объявить его на прощеное воскресенье. Настало 5 марта и манифестъ былъ объявленъ.

Значитъ, ничего не вѣдая, съ 19 февраля до 5 марта освобожденный уже народъ просидѣлъ сверхъ положенія лишнихъ двѣ недѣли въ крѣпостной кутузкѣ.

Вотъ какъ была дана народу царская воля.

* * *

Теперь понятно, что вскорѣ же послѣ объявленія воли народъ оторопѣлъ и растерялся—не разберетъ ничего. Одни кричатъ, что воля не настоящая, фальшивая: настоящую-де волю баре да начальство спрятали, утаили, обманываютъ и царя и народъ. Другіе и этому рады, молчатъ, покоряются. Третьи сами не знаютъ, что дѣлать, кого слушать...

Первый десятокъ лѣтъ послѣ царской милости народъ во многихъ мѣстахъ упорно отказывался признавать манифестъ и идти на выкупъ.

Чуть не съ первыхъ же дней воли пришлось растолковывать крестьянамъ царскій манифестъ пулями, розгами и шпицрутенами. Всѣмъ памятно страшное вразумленіе манифеста графомъ Апраксинымъ въ селѣ Безднѣ, Казанской губерніи, гдѣ крестьяне трехъ уѣздовъ сочли манифестъ подложнымъ: 55 человѣкъ было убито, 71 ранено. Съ какимъ упорствомъ и стойкостью вѣрилъ народъ въ царя, что онъ за крестьянъ стоитъ и что объявленный манифестъ подложный, можетъ показать случай усмиренія крестьянъ въ с. Кандеевкѣ, генераломъ Дренякинымъ, который вотъ какъ самъ описываетъ свое злодѣйство надъ безоружными крестьянами, отказывавшимися послѣ объявленія воли ходитъ на барщину.

„Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. — Раздались выстрѣлы. Въ толпѣ упало нѣсколько крестьянъ; но бунтовщики не дрогнули. Напротивъ того, поднявъ руки, они кричали громче и громче. Принявъ поднятіе рукъ за просьбу о пощадѣ, я остановилъ стрѣльбу; но оказалось, что они выражали этимъ свое желаніе

„умереть за Бога и Царя“. „Всѣ до одного умремъ, а не покоримся“. Сдѣланъ былъ второй залпъ. Не смотря на это, народъ, поднявъ руки, еще съ большимъ жаромъ продолжалъ прежніе крики. Не безъ содроганія убѣдившись, что ничто не помогаетъ, я показалъ подвинувшейся ко мнѣ толпѣ походный мой образъ (благословеніе матери) и клялся передъ народомъ, что говорю правду и правильно толкую высочайше дарованныя крестьянамъ права. Но клятвѣ моей не повѣрили. Третій залпъ тоже не привелъ ни къ чему.“—Тогда—и только тогда—этотъ генералъ-негодяй просто рѣшилъ арестовать крестьянъ, безмысленно убивши 8 человѣкъ и 27 человѣкъ ранивши. Въ 14 селахъ трехъ уѣздовъ было арестовано 410 крестьянъ. Но Дренякину и этого было мало; онъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе расправиться съ вѣрившими въ царя крестьянами еще „своимъ судомъ“. Царь-освободитель тотчасъ же далъ это разрѣшеніе. Генералъ Дренякинъ самъ въ своемъ самосудѣ пишетъ слѣдующее: „Приступилъ я къ опросу крестьянъ, но они не винились; они стали виниться только тогда, когда я подвергнулъ 29 человѣкъ шпицрутенному наказанію и обѣщалъ также наказать и всѣхъ другихъ.“ Всего наказано по суду Дренякина 114 человѣкъ, съ назначеніемъ имъ, кромѣ шпицрутеновъ и розогъ, ссылки въ каторжную работу и другихъ наказаній.

А вотъ картинка „усмиренія“ трехъ громадъ въ Малороссіи. Усмирять пріѣхалъ съ солдатами флигель-адъютантъ царя, баронъ Корфъ. „Толпа стоитъ безмолвная и неподвижная, какъ камень. Корфъ начинаетъ уговаривать громаду... Въ отвѣтъ — ни звука, ни движенія. Корфъ вторично обращается къ толпѣ... По рядамъ раздалось кое гдѣ зловѣщее „ни!“, и ни звука больше. Корфъ предупреждаетъ, что если громада не изъявитъ покорности царскому манифесту, то онъ прибѣгнетъ къ войскамъ... Мертвое молчаніе отвѣтило ему на третье увѣщаніе... Наступилъ ужасный моментъ „Повозки сюда и солдатъ!“ крикнулъ Корфъ. Появи-

лись солдаты съ повозками. Громада продолжала стоять, какъ камень; царило мертвое молчаніе. „Жен̈ъ и дѣтей сажать въ повозки и увозить въ губерніи, куда я назначу!“ скомандовалъ Корфъ. Первыя минуты громада стояла, не дрогнувъ. Потомъ стали раздаваться женскіе вопли и крикъ дѣтей. Громада дрогнула, зашевелилась; глухой стонъ прошелъ по рядамъ. Не сдавшись передъ страхомъ войска, громада сдалась передъ угрозой лишиться женъ и дѣтей.“

Такъ вводилась царская воля.

VIII

Изъ кулька въ рогожку.

И еще разъ попробовали соціалисты вывести передъ народомъ на свѣжую воду царскія и помѣщичьи козни. Эти козни они давно насквозь видѣли. Горѣло ихъ сердце: тайно и явно писали они—и въ газетахъ, и въ особыхъ книжкахъ, въ народѣ письма и листки распускали, хотѣли какъ нибудь открыть народу глаза на то, что царь и помѣщики дѣйствуютъ заодно. Соціалисты изъ образованныхъ людей, изъ студентовъ, и сами тайкомъ пошли въ народъ,—нарочно надѣвали лапти да крестьянскую одежу, чтобы перехитрить начальство и побратски побесѣдовать съ народомъ, какъ свой со своимъ. Тысячами разсыпались они по деревнямъ и селамъ, работали на поляхъ и фабрикахъ. Переполошилось и струхнуло тутъ начальство, стало хватать всѣхъ и гноить по тюрьмамъ — не ходи къ мужику! Разсыпались вездѣ соглядатаи да ищейки—ловятъ, выслѣживаютъ. Напустилось начальство на книжки—стало запрещать и сжигать всякія книги, въ которыхъ было хоть одно свободное и смѣлое слово. Многія книжки, которыя барину было можно читать, мужику читать запрещали.

Наконецъ, начальство выдумало ловкій подвохъ противъ друзей народа изъ образованныхъ сословій. Чтобы народъ имъ не вѣрилъ, начальство распускало такіе слухи: это-де помѣщичьи дѣти противъ царя бунтуютъ, — со злости на то, что царь у ихъ отцовъ крестьянъ отобралъ: вотъ они теперь и мутятъ-де народъ и бунтуютъ. Не мало нашлось простецовъ, которые поддавались на эту удочку. Да и не мудрено. Народъ былъ теменъ, неграмотенъ; школъ было мало, учителей тоже; писаря въ волостяхъ, да попы въ приходахъ—вотъ тебѣ и всѣ грамотѣи. Чтобы помочь этой бѣдѣ, съ первыхъ же лѣтъ послѣ царской воли множество доброжелателей народа бросились учить народъ грамотѣ, открывать школы, издавать для народа хорошія книжки, всячески учить и просвѣщать темныхъ людей. Царь, правительство и чиновники стали, напротивъ, всему этому мѣшать. Воскресныя школы стали закрывать, земскія школы тѣснить да передавать въ духовное вѣдомство, въ руки поповъ да псаломщиковъ, заводить церковно-приходскія школы, чтобы лучше набивать мужицкія головы разнымъ поповскимъ вздоромъ; честныхъ и образованныхъ учителей стали выпирать изъ школъ, постарались, чтобы изъ книжекъ до народа почти ничего, кромѣ житій святыхъ да сказокъ, не доходило. По всей землѣ развели жандармовъ, сыщиковъ, полицейскихъ, урядниковъ, — ни дать-ни взять, какъ въ непріятельской странѣ расположились. Вотъ тебѣ и воля! Такъ-то вотъ вмѣсто *крѣпостного рабства* народъ попалъ *въ рабство вольнонаемное*. Да и прежнее крѣпостное рабство не совсѣмъ отмѣнено, а только передано изъ рукъ одного помѣщика въ руки любого чиновника. Развѣ можно сказать, что нашъ крестьянинъ свободный человѣкъ?

Подумайте, братцы: теперь крестьянинъ и шагу не можетъ ступить безъ спросу у начальства; кругомъ онъ связанъ крѣпостными путами. Захочетъ идти въ отходъ, на заработки, — ступай кланяться въ волостное правленіе, чтобы выдали паспортъ; а коли на тебѣ есть недоимка, или земскій начальникъ, либо старшина имѣ-

етъ зубъ на тебя,—не видать тебѣ паспорта, какъ своихъ ушей. Захотѣли мужики раздѣлиться въ семьѣ, —опять не смѣй безъ разрѣшенія: земскому начальнику, видишь ли, виднѣе,—нуженъ вамъ семейный раздѣлъ или не нуженъ. Захотѣло село передѣлить землю — опять нельзя: питерскіе чиновники особый законъ выдумали, чтобы передѣлы раньше, какъ черезъ 12 лѣтъ, не совершались: а почему черезъ 12?—неизвѣстно.

И такъ во всемъ. Словно малаго ребенка хотятъ мужика на помочахъ водить. Земскій начальникъ надъ нимъ опять словно бурмистръ при крѣпостномъ правѣ властвуетъ. Захочетъ — посадитъ въ холодную, и нѣтъ на него управы. Сельскія власти давно стали послушными слугами земскаго начальника; старшинъ и земскихъ гласныхъ мѣстами земскіе начальники назначаютъ почти что безъ спросу у крестьянъ.

Крестьянъ и за людей не считаютъ. Никого у насъ въ государствѣ нельзя пороть, кромѣ крестьянъ да каторжныхъ по тюрьмамъ. Въ нашихъ законахъ написано будто передъ закономъ всѣ равны; а оказывается, что крестьяне-то уравнены съ каторжанами. Недаромъ называютъ мужики свое житье каторжнымъ! Такъ оно и есть.

Кромѣ того закона, который публикуется во всеобщее свѣдѣніе, для мужиковъ есть еще особый, потайной законъ. Онъ изложенъ въ секретныхъ циркуляхъ, т. е. тайныхъ указахъ министра губернаторамъ, и тамъ попросту велѣно съ мужиками не церемониться, а чуть заикнутся о своихъ правахъ — проучить ихъ военнымъ постоемъ да прописывать имъ повиненіе пониже спины.

IX

Дворяне, купцы и фабриканты подъ царскимъ крылышкомъ.

Но все таки, покуда крестьяне еще волновались, ихъ по крайней мѣрѣ побаивались — и царь, и помѣщики: предлагали землю и получше и подешевле. А какъ прошло нѣсколько лѣтъ, да оправились помѣщики отъ страха, вотъ и давай землю оцѣнивать подороже, надѣлы давать похуже да еще устраивать черезполосицу.

Только все же не пошло это имъ впрокъ. Сбылись опасенія старыхъ ехидныхъ крѣпостниковъ: „Порвалась цѣпь великая, порвалась и ударила однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику.“ Послѣ освобожденія большинство дворянъ живо прожили да промотали выкупныя денежки, а хозяйничать и тутъ не научились. Забрасывали свое хозяйство, сдавали землю сосѣднимъ мужикамъ да купцамъ, а денегъ все таки не хватало. Стали закладывать имѣнья въ разные банки; царь для помѣщиковъ устроилъ даже на народныя деньги особый Дворянскій банкъ, изъ котораго чуть не даромъ давали ссуды подъ залогъ ихъ земли. А когда промотали и эти деньги, ихъ помѣстья стали продаваться съ молотка и переходить къ купцамъ да кулакамъ. Такъ, мало по малу, купцы стали выкуривать дворянъ съ земли и становиться помѣщиками, крупными землевладѣльцами.

Изъ банковыхъ отчетовъ, видно, что въ 1900 году въ частныхъ банкахъ и въ Дворянскомъ банкѣ было въ залогѣ около 60 тысячъ дворянскихъ имѣній, въ 34 милліона десятинъ земли и съ долгомъ больш тысячи милліоновъ рублей. Гдѣ же имъ тутъ выкрутиться! годъ отъ году только больше должаютъ, — все къ купцамъ перейдетъ!

Стали дворяне жаловаться царю и правительству, что дворянство въ разоръ разоряется. Царь сталъ плодить

чиновниковъ, вездѣ устраивать ненужныя должности и ставить на ихъ дворянъ; какія и были выборныя должности — стали ихъ сокращать и совсѣмъ уничтожать; уничтожилъ выборныхъ мировыхъ судей и замѣнилъ ихъ своими ставленниками, земскими начальниками изъ промотавшихся дворянъ, которымъ далъ власть издѣваться какъ надъ отдѣльными крестьянами, такъ и надъ цѣлыми крестьянскими обществами, почти какъ въ крѣпостныя времена.

Между тѣмъ народу все прибавлялось, земли у крестьянъ стало совсѣмъ мало, пошла такая бѣднота и нищета, какой не видывали и въ крѣпостныя времена. Народъ бросился въ Сибирь, на новыя мѣста, какъ въ былыя времена въ казачество. Не пускаютъ, запрещаютъ, а кто пойдетъ на свой страхъ — разоряется и снова ворочается пѣшкомъ домой. Начальство нарочно всячески мѣшаетъ, чтобы не бѣжали отъ помѣщичьей и купеческой земли.

А теперь уже заранѣе отдали почти всю Сибирь дворянамъ: почти даромъ нарѣзали имъ огромные участки земли и къ нимъ прирѣзали крестьянскіе клочки, чтобы и тамъ мужики опять нуждались въ дворянской землѣ.

Коли некуда переселиться, такъ надо искать подсобныхъ заработковъ на сторонѣ. И вотъ города переполнились рабочимъ людомъ изъ деревни. Правительству и богачамъ это на руку. Царь заведъ громадныя войска, чтобы охранять купеческіе интересы и свое самодержавіе и держать народъ въ уздѣ, забирая себѣ въ солдаты самыя здоровыя рабочія силы. Податей требуется все больше и больше. На содержаніе промотавшихся дворянъ и чиновниковъ надобны десятки милліоновъ, на солдатъ и полицію идутъ сотни милліоновъ ежегодно. Все, что можно выбить изъ мужика, выбиваютъ розгами. А казнѣ все не хватаетъ денегъ. Приходится ежегодно занимать у богачей-капиталистовъ, банкировъ и фабрикантовъ. А капиталисты не даютъ даромъ денегъ, требуютъ себѣ большихъ льготъ и процентовъ. Стали они строить фабрики и заводы;

по городамъ сгрудилось множество голодныхъ рабочихъ, готовыхъ идти за грошовую цѣну. Правительство стало поощрять капиталистовъ, купцовъ и фабрикантовъ, чтобы они наживались и богатѣли въ волю, лишь бы давали денегъ взаймы. Дѣлай съ рабочими, что хочешь!

Вотъ и въ городахъ ввели новое крѣпостное право, вмѣсто стараго; *вольно-наемное* рабство, вмѣсто *подневольнаго*. Прежде, бывало, русскіе цари тоже приписывали къ фабрикамъ и заводамъ крѣпостныхъ; иначе — кто бы изъ вольныхъ людей пошелъ отъ земли въ фабричную кабалу? А какъ освободили крестьянъ отъ помѣщиковъ да отобрали у нихъ лучшую землю, такъ фабрикантамъ стало больше не нужно крѣпостныхъ рабочихъ. Вольныхъ да голодныхъ набралось столько, что дѣвать некуда. Въ ноги еще кланяются, только возьми на работу.

Купцы, скупивши землю у дворянъ, сами стали помѣщиками, скрутили мужика почище прежняго: пользуясь нуждой крестьянъ, прижимаютъ ихъ и нанимаютъ работниковъ въ тридешева, а землю сдаютъ втридорога. Въ плодородной Самарской губерніи, гдѣ не выводится теперь голодъ, есть купцы, что владѣютъ сотнями тысячъ десятинъ и гоняютъ скотину изъ города въ городъ по собственной землѣ. А народъ мретъ съ голоду... бѣжитъ за землей на Амуръ...

Забравши одной рукой деревню — мужика и сельскаго рабочаго, — денежные тузы, капиталисты, другой рукой вцѣпились въ городского рабочаго. Мужикъ бѣжитъ къ нимъ на фабрику, что ни годъ, то больше; продаютъ себя за безцѣнокъ крестьяне, перебиваютъ другъ у дружки работу, лишь бы не умереть съ голоду, да послать въ село подати. А работой томятъ на фабрикахъ — похуже деревенской страды: вмѣсто чистаго воздуха полей и луговъ приходится работать въ дыму, въ копоти и вони, не зная ни праздниковъ, ни отдыху.

А капиталистамъ-фабрикантамъ и этого все мало. Пристаютъ къ правительству требуютъ установить та-

можни, чтобы не пропускать въ Россію изъ заграницы дешевыхъ товаровъ и не дѣлать подрыва ихъ фабрикамъ. Самодержавное правительство исполняетъ все, что ни потребуютъ капиталисты; обложило иностранные товары пошлиной, чтобы не сбивать цѣны на русскіе товары. А капиталисты и рады — ломятъ цѣны съ покупателя, какія хотятъ. А покупатель кто? — все тотъ же рабочій народъ!

Сахарныхъ заводовъ понастроили цѣлую уйму: сахару дѣвать некуда, а народу покупать не на что, да и цѣны ломятъ безбожныя. А дешево продавать—доходу, вишь, мало будетъ. Вотъ сахарозаводчики и ну канючить передъ правительствомъ, чтобъ помогло бы оно имъ. А надо сказать, что среди нашихъ сахарозаводчиковъ много важныхъ людей, князей и графовъ; есть удѣльные заводы, которые принадлежатъ членамъ царской фамиліи. У самого царя Николая Александровича — три завода! Какъ же правительству не заботиться о сахарозаводчикахъ? Вотъ и собрались уполномоченные отъ сахарозаводчиковъ, и вмѣстѣ съ министрами цѣлый заговоръ противъ русскаго населенія составили. На каждый годъ всѣ сахарозаводчики заранѣе условливаются, сколько сахару они пустятъ въ продажу по Россіи, чтобы цѣна на него стояла хорошая. А если на какомъ заводѣ больше сахару вырабатывается, такъ пускай вывозятъ заграницу. А такъ какъ заграницей сахаръ дешевле нашего, значитъ — съ убыткомъ туда продавать придется, такъ что же они придумали. Просятъ у правительства: мы, дескать, будемъ заграницей пускать сахаръ по самой дешевой цѣнѣ, а казна пусть убытки доплачиваетъ. Пусть выдастъ намъ обратно акцизный сборъ съ каждаго пуда вывезеннаго заграницу сахара. Повѣрить трудно, а вѣдь, согласился нашъ самодержавный царь и велѣлъ изъ казны выдавать сахарозаводчикамъ „премію за вывозъ“. Русскій сахаръ одно время въ Англіи былъ такъ дешевъ, что тамъ имъ свиней откармливали, а у насъ мужикъ пилъ чай съ сахаромъ даже не въ при-

куску, а по просту въ приглядку. Сами англичане надъ этимъ не мало смѣялись.

На желѣзнодорожныхъ заводахъ — то же самое. Фабрикъ пропасть понаставили, дѣлаютъ все хуже и дороже заграничнаго, а царя опять просятъ на заграничные желѣзные товары таможенные пошлины наложить, чтобы не пускать ихъ въ Россію. Строй, говорятъ они правительству, желѣзныхъ дорогъ побольше, а намъ рельсы и прочее заказывай. Правительство строитъ и даетъ имъ заказы, а на постройку беретъ у тѣхъ же капиталистовъ взаймы деньги подъ большіе проценты. А на проценты откуда деньги берутся? — все изъ народнаго же кармана, изъ податей.

Ткацкія и другія фабрики растутъ и расширяются, какъ грибы; товары изъ нихъ валомъ валятъ, а кому покупать? Откуда доставать рабочему денегъ: за сколько продастъ себя въ кабалу къ богачамъ, только всего и получитъ. Хоть и ходитъ рабочій народъ ободраннымъ, а рубашки купить не на что. Куда же фабрикантамъ дѣваться съ товарами? Въ Китай бы послать, да туда англичане, нѣмцы и американцы свой товаръ и лучше, и дешевле ввозятъ. Вотъ фабриканты опять къ царю: строй черезъ Сибирь желѣзную дорогу въ Китай, чтобы намъ было легче возить туда товары. А Китай уперся — не хотѣлъ пропускать желѣзную дорогу черезъ свою землю. Снова идутъ капиталисты къ царю: иди, говорятъ, въ Китай воевать, что бы отъ него Манджурію отнять и посылать туда одни наши товары. Царь послушно собираетъ десятки тысячъ солдатъ, посылаетъ ихъ на бойню, тратитъ бѣшенныя деньги изъ казны. А ч о такое царская казна? Это подати, которыя подъ разными видами ежегодно выжимаются изъ тѣхъ же мужиковъ.

Итакъ, противъ рабочаго народа царь имѣетъ въ своихъ рукахъ двѣ огромныя силы: во первыхъ,—армію чиновниковъ, солдатъ, полицейскихъ и жандармовъ, во вторыхъ, — крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ-промышленниковъ, денежныхъ людей.

Теперь всѣмъ стало ясно, что эти двѣ силы — тоже два родные брата, или двѣ руки самодержавнаго царя, а рука руку моетъ, и воронъ ворону глазъ не выклюетъ. И потому, нельзя рабочимъ людямъ бороться со своими угнетателями, съ хозяевами, съ помѣщиками, земскими начальниками иначе, какъ начавши борьбу и съ царемъ. Онъ — вѣрнѣйшій другъ и защитникъ помѣщиковъ и богатѣевъ. Пользуясь своимъ самовластіемъ, онъ на малѣйшую попытку рабочаго человѣка постоять за свои права отвѣчаетъ розгами, пулями, злымъ насильничествомъ. И не кончится эта мука рабочаго народа до тѣхъ поръ, пока всѣмъ правятъ цари и пока все начальство назначается царемъ, а не выбирается народомъ, т. е. пока будетъ на Руси *царское самодержавіе*. Поэтому, первой заповѣдью рабочаго народа должно быть *самоуправленіе съ выборными отъ народа на всѣ должности въ странѣ*, начиная съ высшаго правительства и кончая сельскимъ старостой и десятникомъ.

X

Не въ томъ сила, что кобыла сива, а въ томъ, что она не везетъ.

Сколько вѣковъ народъ уповалъ на царя, чуть не молился на него и ждалъ отъ него себѣ милости. Пора же, наконецъ, понять, что полагаться народу на царя — это все равно, что рѣшетомъ воду черпать. Откуда у царя къ народу милость явится? Вѣдь, съ пеленокъ царь окруженъ придворными холопами изъ тѣхъ же вельможныхъ дворянъ, которые сами живутъ на народный счетъ и держатся народной темнотой да народнымъ безправіемъ. Что же добраго могутъ внушить эти властные дармоѣды своему воспитаннику-царю, который, будучи еще несмысленнымъ мальчикомъ, видитъ передъ собой всеобщее холопство и колѣнопреклоненіе и слышитъ, что его величаютъ божьимъ помазанникомъ.

Но если бы и родилось такое чудо — добрый царь — такъ отъ этого народу ничуть не станетъ легче, если только царь останется самодержавнымъ, т. е. если онъ безъ спроса у народа будетъ назначать министровъ да вельможныхъ совѣтниковъ, а тѣ — губернаторовъ, губернаторы — другихъ чиновниковъ, и т. д. — дѣдка за бабку, бабка за внучку...

Въ доброту царя-освободителя увѣровали, а онъ такъ освободилъ крестьянъ, что рабочій народъ и при крѣпостномъ правѣ не голодалъ такъ, какъ теперь. Народъ не понималъ тогда, что все зло идетъ отъ царскаго самодержавія, отъ народнаго безправія. Вначалѣ лишь немногіе люди, соціалисты это, видѣли и потому боролись съ самодержавнымъ царемъ и его разбойными министрами, губернаторами, сыщиками, жандармами и полиціей. Такъ какъ народъ молчалъ, то соціалисты одни вступили въ борьбу съ самодержавіемъ: взрывали царскіе поѣзда, взорвали царскій дворецъ, убили самого царя, били подлыхъ министровъ его, шпіоновъ, жандармовъ и злостныхъ народныхъ мучителей; но безъ поддержки народа имъ не удалось свалить самодержавія. Труситъ царь, трясется, какъ травленный волкъ, думаетъ ужъ уступить народу, отказаться отъ самодержавія и созвать Земскій Соборъ, а министры да чиновники выведутъ его на показъ народу — народъ шапками машетъ, ура! ревмя реветъ. Ну, вотъ царь и успокоится опять и опять крѣпко держится за свое самодержавіе.

Послѣ убитаго царя на престолъ усѣлся Александръ III, — придворные лизоблюды величали его Царемъ-Миротворцемъ, а въ народѣ шопотомъ звали Царемъ-Міропорцемъ, — и опять не хотѣлъ онъ разстаться съ дворянствомъ и своимъ самодержавіемъ, не хотѣлъ, что бы народъ самъ ставилъ должностныхъ лицъ. И опять пошло чиновничье издѣвательство: соціалистовъ вѣшали, по всей странѣ открыли страшныя гоненія за вѣру. Чтобы лучше одурманить, обезсилить народъ, отвлечь отъ себя его недовольство и тѣмъ укрѣпить свою власть,

царское правительство нарочно посеяло смуту, рознь и вражду среди самого рабочаго народа: при помощи поповъ и полиціи оно стало натравливать православныхъ — на сектантовъ, на штундистовъ и другихъ христіанъ, а всѣхъ христіанъ вообще—на еврейскихъ рабочихъ и на всю еврейскую безправную бѣдноту. Съ удвоенной силой принялось оно душить народное просвѣщеніе; крестьянское и мѣстное самоуправленіе въ конецъ было подрѣзано; мировые судьи были уничтожены, ввели земскихъ начальниковъ; казна расхищалась безъ удержу; нищета и голодъ стали всеобщими, а подати и государственные долги все росли и росли.

Теперь на престолѣ сидитъ сынокъ Александра III — царь совсѣмъ глупенькій, ничего не смыслитъ въ дѣлахъ; чиновники и министры его даже мало и безпокоятъ, добиваются отъ него только одного: чтобы онъ умѣлъ бумаги подписывать, да какого-нибудь наслѣдника-сына послѣ себя оставилъ: пусть будетъ хоть юродивый, да самодержаный, т. е. — чтобы его именемъ дворяне да чиновники правили народомъ. Помри этотъ царь и оставь онъ грудного самодержавнаго ребенка — все равно, все то же будетъ. Наконецъ, воткни въ самодержавный тронъ осиновый колъ — все равно, народу не будетъ ни лучше, ни хуже: попы также будутъ молиться за царя, или за осиновый колъ, проповѣдывать народу смиреніе, полиція — озоровать, а чиновники — править государствомъ.

Значитъ, не въ томъ сила — каковъ царь, да какой правъ у него, а въ томъ, что онъ правитъ самовластно, самодержавно. Соціалисты стараются не лицо или человѣка уничтожить, а самодержавіе. Правда, притѣснителей царей, министровъ и другихъ чиновныхъ изверговъ нерѣдко убивали — и у насъ и въ другихъ странахъ, но это дѣлалось и будетъ, конечно, дѣлаться только въ страшномъ негодованіи за какое нибудь ихъ особое злодѣйство. Вотъ, напримѣръ, весной 1901 г. одинъ честный и скромный студентъ, Карповичъ, застрѣлилъ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова

— за то, что этотъ министръ, вмѣсто того, чтобы заботиться о народномъ образованіи, сталъ закрывать университеты, приказалъ бить учащихся студентовъ, сталъ отправлять ихъ сотнями въ тюрьмы и ссылку и, въ довершеніе издѣвательства, велѣлъ глупому царю подписать приказъ, чтобы человѣкъ 300 студентовъ силкомъ въ солдаты отдать, и чтобы и впредь такъ съ ними поступать. На все согласился царь. Когда этого министра пристрѣлили, такъ тысячи плачущихъ отцовъ и матерей сосланныхъ и отданныхъ въ солдаты студентовъ перекрестились даже.

А вотъ другой примѣръ. Одновременно съ этимъ Бо олѣповымъ царствовалъ и измывался надъ всѣмъ народомъ другой сановный злодѣй, министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ. Онъ озвѣрѣлъ совсѣмъ и словно нарочно рѣшилъ забить и заморить народъ голодомъ. Когда въ разныхъ губерніяхъ крестьяне помирали съ голоду и отъ всякихъ болѣзней и когда всѣ земства кричали о помощи, Сипягинъ запретилъ газетамъ писать о голодѣ и приказалъ съ безпощадностью выбивать изъ крестьянъ подати и недоимки. Раньше земства сколько нибудь помогали голодному населенію. Но Сипягинъ отнялъ у нихъ завѣдываніе народнымъ продовольствіемъ и передалъ это дѣло своимъ губернаторамъ и земскимъ начальникамъ. Зная, что голодные крестьяне бросятся бѣжать на сторону, на заработки, Сипягинъ издалъ дикій циркуляръ губернаторамъ, чтобы въ голодающихъ мѣстностяхъ не отпускали на сторону крестьянъ отдѣльно по паспортамъ, а составляли бы изъ нихъ артели и провожали ихъ на мѣста работы партіями, какъ арестантовъ, по спискамъ и подъ особымъ конвоемъ изъ земскихъ начальниковъ, жандармовъ и полицейскихъ надзирателей, которые при малѣйшемъ непослушаніи могли бы сажать рабочихъ подъ арестъ, а при разсчетахъ деньги получали бы сами, чтобъ, дескать, рабочіе не пропивали ихъ.

Раньше добрые люди помогали голоднымъ крестьянамъ въ деревняхъ, нарочно поселялись среди голода-

ющихъ, лѣчили больныхъ цынгой. Сипягинъ и на этотъ случай издалъ приказъ: чтобы студентовъ и образованныхъ людей не допускать въ голодающія деревни и не позволять имъ открывать тамъ столовыя; а всѣ пожертвованныя деньги передавать особымъ чиновникамъ Краснаго Креста или земскимъ начальникамъ на ихъ полное усмотрѣніе.

И вотъ въ это время, когда никто не могъ и не смѣлъ ни говорить, ни писать, что народъ пухнетъ и мретъ съ голоду, партія соціалистовъ революціонеровъ выдѣлила изъ себя особую Боевую Дружину, или Боевую Организацію, и рѣшила наказать за такое звѣрство главныхъ сановныхъ злодѣевъ, — подумайте, — народъ тысячами и милліонами пухнетъ и умираетъ съ голоду, а эти царскіе опричники сидятъ себѣ по столицамъ да по большимъ городамъ, занимаются казнокрадствомъ, пьянствуютъ, обжираются въ своихъ дворцахъ и ни о чемъ знать не хотятъ! Народу до нихъ и добраться нельзя. Между ними и народомъ цѣлая туча мелкихъ чиновныхъ и полицейскихъ сошекъ стоитъ. Вотъ Боевая Организація и рѣшила показать сановнымъ злодѣямъ, что хоть они отгородились отъ народа, а все же и ихъ можетъ настигнуть кара, и что всякому озорству даже въ безсудной Россіи бываетъ конецъ. Членъ этой Боевой Организаціи, бывшій студентъ, Степанъ Валеріановичъ Балмашевъ, рѣшилъ пожертвовать собой и наказать сановнаго злодѣя за всѣ издѣвательства его надъ голоднымъ безправнымъ народомъ. Балмашевъ надѣлъ офицерскій мундиръ, взялъ хорошій револьверъ, явился прямо въ самое разбойничье гнѣздо—въ Совѣтъ министровъ въ Марьинскомъ дворцѣ—подошелъ къ министру Сипягину, застрѣлилъ его на мѣстѣ и, отдавая револьверъ, сказалъ окружавшимъ его: „За что я убилъ его—спрашивать нечего,—вся Россія знаетъ это. Стыдно то, что никто раньше этого не сдѣлалъ!“ Царь и преемникъ Сипягина, Малюта фонъ-Плеве, судили его военнымъ судомъ и повѣсили. Но какъ только вѣсть о смерти Сипягина разнеслась по свѣту, изъ наболѣв-

шей груди раздался радостный вздохъ по всей Руси.

Въ это время отчаянное положеніе голодающихъ крестьянъ дошло до такой степени, что великомученики русской земли, полтавскіе и харьковскіе крестьяне, первыми поняли наконецъ, что глупо умирать самимъ и морить съ голоду тысячи и тысячи дѣтей своихъ, когда подъ носомъ у нихъ амбары въ помѣщичьихъ экономіяхъ ломятся отъ хлѣба, который они же, крестьяне, взростили и въ нихъ засыпали. Пробудились, заволновались крестьяне; дружно, міромъ и въ полномъ порядкѣ стали они разбирать хлѣбъ по экономіямъ, дѣлить по голодающимъ и отбирать въ общество помѣщичьи земли, и такимъ образомъ пытались исправить вѣковую несправедливость. Но полтавцы приступили къ дѣлу, не приготовившись какъ слѣдуетъ. Вѣсть о ихъ рѣшеніи отбирать землю расходилась по Россіи медленно, и потому крестьяне другихъ губерній, ничего не зная, не могли поддержать полтавцевъ. Скорѣй всего объ этомъ узнали ихъ сосѣди, харьковцы, которые только одни и поддержали ихъ. Несмотря на эту разрозненность въ дѣйствіяхъ крестьянъ, въ обѣихъ этихъ губерніяхъ помѣщики и все мѣстное начальство сразу хвосты поджали и разбѣжались. Царь и министры тоже перетрусили и рѣшились какъ можно скорѣе наброситься на полтавцевъ и харьковцевъ, пока слухъ объ отобраніи земель по всей Россіи не разнесся. Послали солдатъ, козаковъ, которыхъ нарочно напаивали пьяными, чтобы они дѣлали всякія безчинства, и тѣмъ хотѣли застращать всѣхъ другихъ крестьянъ. Харьковскій губернаторъ, князь Оболенскій, такой же звѣрь, какъ генералъ Дренякинъ, о которомъ мы говорили раньше, подъ защитой казацкихъ плетей и солдатскихъ пуль и штыковъ произвелъ звѣрскую расправу надъ безоружными крестьянами; породъ крестьянъ всѣхъ безъ разбору; казаки убивали на смерть стариковъ и дѣтей, насиловали женщинъ... Царь наградилъ за это Оболенскаго орденомъ; наложилъ 800 тысячъ рублей штрафу на крестьянъ въ пользу помѣ-

щиковъ и кромѣ того избитыхъ крестьянъ велѣлъ отдать подъ судъ. И вся Россія должна была молчать, писать было запрещено объ этомъ.

Тогда Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ рѣшила еще болѣе поспѣшить съ устройствомъ тайныхъ крестьянскихъ союзовъ по всей Россіи, на подобіе рабочихъ союзовъ въ городахъ, чтобы въ другой разъ, когда крестьяне поднимутся за землю и волю въ одномъ мѣстѣ, тотчасъ же можно было дать знать черезъ эти союзы по всей Руси. И кромѣ того, Боевая Организація рѣшила наказать звѣря, князя Ободенскаго, за его издѣвательства надъ крестьянами, и убить его, какъ бѣшеную собаку. Членъ Боевой Организаціи, рабочій Ѳома Качуръ, рѣшилъ пожертвовать собой и открыто, при всемъ народѣ, въ Харьковскомъ саду пристрѣлить этого бѣшенаго волка. Къ несчастью, въ моментъ выстрѣла, его подтолкнули подъ руку, и Ободенскій остался живъ. Возьмемъ еще случай съ Уфимскимъ губернаторомъ, Богдановичемъ. Въ г. Златоустѣ имѣется казенный оружейный заводъ, гдѣ работаютъ до 5000 рабочихъ. Издавно связанные съ заводомъ, рабочіе по особому закону пользовались нѣкоторыми льготами. Чтобы увеличить свои доходы отъ завода, правительство рѣшило уничтожить этотъ законъ и ввести новыя правила найма рабочихъ, — съ работными книжками, съ обычными штрафами, вычетами и другими взысканіями. Рабочее населеніе заволновалось. Начальство предложило рабочимъ выбрать изъ себя депутатовъ для переговоровъ, а потомъ ихъ арестовало какъ зачинщиковъ. Рабочіе требовали немедленнаго освобожденія арестованныхъ. Тогда явился губернаторъ съ другими властями и нѣсколькими ротами солдатъ. Во время новыхъ переговоровъ губернаторъ собственноручно схватилъ за воротъ одного рабочаго и потащилъ его въ домъ, крича: „иди-ка, поговоримъ,—ты давно здѣсь ораторствуешь!“ Рабочіе стали отбивать его; губернаторъ скрылся въ сосѣднемъ домѣ, вышелъ на балконъ и махнулъ платкомъ. Раздался залпъ, потомъ другой, третій,—уже по бѣгущей

толпѣ. По окончаніи стрѣльбы на площади и на сосѣднихъ улицахъ осталось убитыми до 40 ч.; многіе убѣжали дальше и падали мертвыми. Всего пострадавшихъ оказалось около 250 челов., изъ коихъ третья часть были женщины и дѣти.

Боевая организація Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ рѣшила, что такого преступленія противъ народа нельзя оставлять безнаказаннымъ. И вотъ, въ силу этого рѣшенія, 6 мая 1903 г., среди бѣлаго дня, въ городскомъ саду, Уфимскій губернаторъ Богдановичъ былъ убитъ двумя членами этой организаціи какъ разъ въ то время, когда онъ возвращался домой, передавъ дѣйствовавшимъ войскамъ Царскую благодарность. Исполнители рѣшенія благополучно скрылись. Нельзя и впредь допускать такого озорства, будутъ и впредь такихъ министровъ и губернаторовъ, какъ бѣшеныхъ собакъ, бить, — потому что нѣтъ на нихъ никакой управы. Ужъ ежели озоруютъ, такъ пусть хоть оглядываются. Такъ вотъ до какого положенія довело самодержавіе—что добрымъ, честнымъ людямъ приходится брать въ свои руки правосудіе и пристрѣливать всевластныхъ чиновниковъ, на которыхъ нѣтъ въ Россіи ни суда, ни управы. Народу дышать нельзя, а изъ этого положенія есть только одинъ выходъ: нужно уничтожить наконецъ самодержавіе. Нужно добиваться и всѣмъ громко требовать созыва выборныхъ отъ всего народа въ Земскій Соборъ, и тогда какіе они порядки установятъ,—такъ тому и быть, и чтобъ всему начальству ихъ слушаться и безъ ихъ согласія не распоряжаться. Безъ этого не будетъ свободы народу.

Самъ царь и его правительство, конечно, добровольно на это не согласятся, пока ихъ къ тому не принудятъ. Для этого и нужно бороться съ самодержавіемъ всѣми средствами и всѣми силами. Боролись наши отцы, боролись наши братья, должны бороться и мы. Мы зовемъ весь рабочій народъ въ городахъ и селахъ соединиться вмѣстѣ и не вѣрить злостнымъ клеветамъ нашихъ общихъ враговъ, которые хотятъ всячески разрознить насъ. Насъ, соціалистовъ, преслѣдуютъ, гноятъ въ тюрьмахъ, какъ государственныхъ преступ-

никовъ, клевещутъ на насъ, но мы клянемся не оставлять народнаго дѣла! Мы будемъ бороться тайно и явно всѣми силами и всѣми путями вплоть до кровавой кары виновниковъ, — будемъ бороться до тѣхъ поръ, пока не рухнетъ самодержавіе, пока самъ народъ черезъ своихъ выборныхъ не возьметъ всю власть въ свои руки и не добьется полнаго самоуправленія. Тогда только настанетъ миръ на Руси, и тогда только можно будетъ народу лучше устроиться, ввести больше равненія и справедливости. Тогда легче будетъ работать для переустройства всѣхъ нынѣшнихъ порядковъ на справедливыхъ, соціалистическихъ началахъ. Поэтому, въ нашей борьбѣ съ царемъ у насъ долженъ быть одинъ спасительный кличъ: — *Долой Самодержавіе! Да здравствуетъ всенародный Земскій Соборъ!*

XI

Городской рабочій пробуждается.

Рабочіе и крестьяне! Если бы вы видѣли, *что* теперь творится по всей Руси, вы поняли бы, что не долго ужъ самодержавнымъ чиновникамъ мудрить безотчетно надъ русскимъ народомъ, что теперешніе непорядки долго держаться не могутъ: отъ царя до послѣдняго урядника все правленіе насквозь прогнило; нѣтъ ему искренней и серьезной поддержки ни въ комъ и ни въ чемъ разумномъ и добросовѣстномъ, и держится оно только грубой силой да народной темнотой.

Посмотрите, какъ управляетъ царь своимъ вѣрноподданнымъ народомъ: больше двухъ третей всей Европейской Россіи царь объявилъ на положеніи усиленной охраны, т. е. поступаетъ съ своими „вѣрноподданными“, какъ съ враждебнымъ населеніемъ непріятельской страны. Хочетъ народъ застращать... да не удастся ему! Пробудилось сознаніе народа, началъ онъ понимать причину своихъ бѣдствій, и не затушить теперь царю и его опричникамъ разливающагося по всей странѣ недовольства! Городскіе рабочіе уже соединяются въ тай-

ные и явные союзы; посредствомъ стачекъ борятся съ капиталистами-хозяевами, добиваясь лучшихъ условій жизни и работы. Капиталисты, разумѣется, обращаются за помощью къ правительству, и царское правительство охотно спѣшитъ къ нимъ на выручку: оно бьетъ, арестуетъ и высылаетъ рабочихъ тысячами. Но рабочихъ — не студентовъ высылать: студентовъ — тысячи, а рабочихъ — милліоны, да и фабрики и заводы не могутъ пустовать — капиталистамъ не выгодно. Какъ тутъ быть? Вотъ царское правительство и мечется, какъ дикій звѣрь, кусаетъ направо и налѣво и давитъ все: закрываетъ школы, обращаетъ университеты въ казармы, жжетъ книги, поретъ крестьянъ въ деревнѣ, бьетъ рабочаго въ городѣ.

Но какъ оно ни мечись и ни бѣснуйся, а теперь спасенья ему нѣтъ, потому что раскрылись глаза у рабочаго, видитъ онъ, кто его враги, откуда идетъ его нищета. Теперь ужъ нельзя говорить ему, что студенты — помѣщичьи дѣти и бунтуютъ противъ царя изъ-за освобожденія крестьянъ. Этими побасенками теперь не одурачишь рабочаго. Онъ знаетъ теперь, что студенты волнуются и смѣло выступаютъ во всѣхъ городахъ не за свои только студенческія права, а за права и свободу всего народа. Прежде только студенты да хорошіе люди изъ ученыхъ были соціалистами, а теперь соціалистами становятся и сами рабочіе.

Несмотря на всѣ помѣхи царскаго правительства, многіе городскіе фабричные и заводскіе рабочіе уже соединяются въ великую *соціалистическую рабочую партію*, т. е. въ постоянный союзъ людей, которые сознаютъ свои человѣческія права и обдуманно, по сговору, дружно борятся за нихъ. Во многихъ городахъ Россіи уже образовались соціалистическіе Комитеты, которые и руководятъ этой борьбой.

XII

Крестьянинъ и городской рабочій — два трудовыхъ брата.

Начинаетъ пробуждаться и русская деревня. И тамъ начинаютъ появляться крестьяне-соціалисты. Образовался даже Крестьянскій Союзъ П. С.-Р. Это и понятно. Крестьяне должны дѣйствовать за одно съ городскими рабочими-соціалистами. Между городскимъ рабочимъ и крестьяниномъ существуетъ неразрывная трудовая связь. Нужно помнить это. Мало ли такихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, которые еще за землю держатся? — это тѣ же крестьяне. Они ушли изъ своихъ деревень, потому что ихъ выгналъ оттуда голодъ, холодъ да недоимка. Однако и въ городѣ они все таки остаются крестьянами, несутъ всѣ крестьянскія тяготы, платятъ всѣ мірскія и казенныя подати, такъ что большинству городскихъ рабочихъ приходится не малую долю своего заработка отсылать въ деревню на уплату этихъ податей. Вѣдь, тысячи крестьянъ идутъ на сторону — въ города, на фабрики и заводы — только на зиму, а къ страдной порѣ снова возвращаются домой. И тѣ крестьяне, которые становятся постоянными фабричными рабочими, все таки живутъ по паспортамъ и должны при перемѣнѣ паспорта каждый годъ очищать всѣ свои недоимки.

А много ли фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ имѣютъ собственные дома въ городахъ? Вѣдь почитай всѣ въ наемныхъ углахъ живутъ. Живутъ, кое-какъ перебиваются, пока сила да работа есть; а больному да дряхлому или потерявшему силы на фабрикѣ — и дѣваться некуда. Сколько ихъ добровольно возвращается въ деревню на родину! А во время безработицы начальство само боится скопленія голоднаго люда въ городахъ и тысячами высылаетъ безработныхъ по этапу на родину.

А отчего безработица? Отчего фабрики останавливаются?

А оттого, что товару наготовлено множество, — дѣвать его некуда, потому что народу купить его не на что, хотя онъ въ немъ нуждается. Вѣдь за товаръ деньги спрашиваютъ, а откуда ихъ взять, коли работы нѣтъ, да крестьянинъ сидитъ безъ земли и щелкаетъ зубами съ холоду да голоду? Вотъ если бы въ деревнѣ жилось лучше, если бы у каждаго крестьянина завелся только одинъ лишній гривенникъ въ годъ на ситцевый платокъ бабѣ своей, такъ и то потребовалось бы пустить въ ходъ нѣсколько фабрикъ и нанять нѣсколько сотъ, а то и тысячъ рабочихъ, чтобы наготовить этихъ платковъ достаточно на всю многомилліонную Русь.

Давно извѣстно, что какъ только урожаи плохи, такъ и на фабрикахъ застой! а выпадетъ 2-3 урожайныхъ года подрядъ, — и фабрики расширяютъ свои дѣла. Вѣдь, въ Россіи — сотня милліоновъ крестьянъ. Если бы деревня не была въ разоръ разорена, — какихъ только фабрикъ не понадобилось бы! А теперь — народъ ходитъ голодный да ободранный, работы ищетъ, а тутъ — товару дѣвать некуда! безработица! Вѣдь это — людская живодерня, государственное охальство надъ народомъ, а не общественный порядокъ! А еще богохульствуютъ; царь, попы и начальство себя христіанами считаютъ: за грѣхи, говорятъ, Богъ на народъ голодъ да нищету посылаетъ! рабочій народъ облѣнился совсѣмъ!

Будь крестьянинъ посвободнѣе, живи онъ получше, — и торговля и промышленность шла бы шибче; не валилъ бы такъ народъ изъ деревень въ города, не сбивали бы другъ у друга рабочую плату; рабочему въ городѣ было бы легче бороться съ своими хозяевами-капиталистами, фабрикантами и заводчиками. Для городского рабочаго въ высшей степени важно, чтобы крестьянинъ не только жилъ въ достаткѣ, но чтобы онъ тоже умѣлъ стоять за себя въ деревнѣ противъ помѣщиковъ и противъ всякаго насилія и произвола. Чѣмъ

стойче будетъ крестьянинъ, тѣмъ будутъ уступчивѣе правительство и фабриканты. Крестьянинъ, привыкшій стоять за себя въ деревнѣ, придя въ городъ, сразу примкнетъ къ борьбѣ рабочихъ за свободу и лучшую долю.

Даже оставаясь въ деревняхъ, крестьяне могутъ сильно помогать городскимъ рабочимъ въ ихъ борьбѣ съ хозяевами. Въ другихъ странахъ, напримѣръ въ Италіи, крестьяне и рабочіе все тѣснѣе и тѣснѣе другъ съ другомъ сходятся и другъ другу помогаютъ. Были случаи, когда фабрикантъ уменьшалъ плату по 10 коп. въ день съ человѣка. Рабочіе не соглашаются, отказываются отъ работы и объявляютъ стачку. Фабрика пустуетъ; хозяинъ упирается, выжидая, когда рабочіе проѣдятъ послѣднія крохи, и голодъ заставитъ ихъ уступить и пойти на работу. Проходитъ недѣля-другая, всѣ средства истощаются. Присылаютъ рабочіе изъ другихъ городовъ свои крохи на поддержку стачечниковъ-товарищей, а все таки туго приходится; и сами, и семьи голодаютъ, — видятъ сами рабочіе, что не устоять долго: хозяинъ только убытки терпитъ, а имъ голодная смерть приходитъ. Вдругъ, узнаютъ объ этомъ крестьяне окрестныхъ деревень, и откуда что берется: кто печенаго хлѣба, кто муки, кто соли да картошки, — со всѣхъ сторонъ везутъ, чтобы хоть какъ нибудь рабочихъ поддержать. Держутся рабочіе еще недѣлю-другую; глядь, — хозяинъ, наконецъ, сдается.

Итакъ, городской рабочій и крестьянинъ всегда должны помнить, что они два трудовыхъ брата, которые кормятъ, поятъ, обуваютъ и одѣваютъ цѣлый свѣтъ, а сами живутъ въ голодѣ и холодѣ, босы и наги. Общія у нихъ нужды, общіе у нихъ и враги, сообща должны они и постоять за себя. Чтобы добиться полной воли, обоимъ трудовымъ братьямъ не хватаетъ — знанія, образованія, науки. Но все это несется имъ теперь учеными тружениками, честными образованными людьми. Когда просвѣщенные и трудовые слои народа сольются въ одну *соціалистическую рабочую партію*, — то никакія силы самодержавія и капитала не устоятъ противъ нихъ.

XIII

Во что обходится народу самодержавіе

Крестьяне! — очередь за вами. Довольно молчать! Довольно безропотно и молча умирать съ голоду! Царское самодержавіе, или чиновничье царство, кончается; основы его дрогнули и подкашиваются. У него оставалась одна слабая надежда — на слѣпоту и покорность мужика, котораго оно забило нуждой, заморило голодомъ, задавило податями, повинностями, солдатчиной Правительство думаетъ себѣ: пусть городской рабочій прозрѣлъ, за то крестьяне слѣпы. И вотъ — стоитъ только крестьянству открыть глаза да посмотрѣть на борьбу своего брата рабочаго въ городѣ противъ общихъ злодѣевъ своихъ, да хоть притопнуть ногой на царскую полицію во время схватки съ нею рабочихъ или студентовъ, — и все самодержа іе разсыплется, какъ разбитый глиняный горшокъ.

А притопнут вамъ давно пора, иначе вы вѣкъ свой будете маяться и платить непосильныя подати, а все изъ кабалы не вылѣзете, и — „его же царствію не будетъ конца“...

Вы послушайте-ка, сколько за вами недоимокъ. За вами накопилось ихъ въ однѣхъ губерніяхъ—за 2 и за 3 года, въ другихъ—за 4, 5, 6 и даже 7 лѣтъ—*однихъ прямыхъ налоговъ*. Вамъ нѣтъ надежды оправиться. А долги все растутъ и будутъ расти, потому что правительству податей ашихъ недостаточно. Знаете ли вы, что оно подъ вашъ трудъ и подъ трудъ дѣтей ва ихъ ежегодно занимаетъ у капиталистовъ-милліонеровъ, — дома и аграницей — огромныя суммы на содержаніе войскъ, полиціи, чиновниковъ, на постройку желѣзныхъ дорогъ, на новыя ружья, пушки, военные корабли, на подачки промотавшимся дворянамъ и прогорѣвшимъ фабрикантамъ? Вѣдь всѣ эти займы дѣлаются въ счетъ вашихъ будущихъ податей.

Знаете ли вы сколько царское правительство нахватало такихъ долговъ на вашу шею, городскіе рабочіе и крестьяне? Къ 1 января 1902-го года оно состояло въ долгу своимъ и заграничнымъ капиталистамъ *6.497.800.000* рублей! Не сразу и выговоришь эту цифру! Почти $6^1/_2$ милліардовъ! — а въ каждомъ милліардѣ по тысячѣ милліоновъ рублей. Непривычному къ счету это и понять трудно. Можетъ быть, вы лучше поймете, если вамъ сказать, что однихъ процентовъ за этотъ долгъ вы ежегодно уплачиваете изъ своихъ доходовъ — *291* милліонъ!... Вѣдь, вотъ вы какіе богатѣи, а еще на бѣдность жалуетесь...

Вѣдь эти *двѣсти девяносто одинъ милліонъ* рублей — проценты одни, и ежегодно выплачиваются казной русскимъ и заграничнымъ тузамъ-капиталистамъ: значитъ, съ васъ ихъ ежегодно берутъ и словно въ печку бросаютъ. А подумайте да сосчитайте, — сколько народу и скота можно бы было круглый годъ на эти деньги прокормить? На нѣсколько цѣльныхъ губерній хватило бы!

На содержаніе арміи и флота теперь больше *445* милліоновъ въ годъ тратится, а на все народное образованіе только около *40* милліоновъ; на содержаніе полиціи и жандармовъ — *100* милліоновъ; на содержаніе одного царя и его дворни — свыше *15* милліоновъ въ годъ! — изъ казны только, т. е. изъ вашихъ податей, не считая милліонныхъ доходовъ царя съ его собственныхъ имѣній. А тутъ еще *291* милліоновъ вамъ ежегодныхъ процентовъ за казенные долги уплачивать приходится. Проценты-то вы платите, а долгъ то не уменьшается.

Правительство задолжало *6* съ половиной милліардовъ рублей, — а вѣдь все это вамъ придется выплатить, потому что на кого бы налоги ни накладывали, а они въ концѣ концовъ все таки на рабочій народъ перелагаются, потому что всѣ богатства народнымъ трудомъ создаются.

А если къ этимъ *6* съ половиной милліардамъ да еще *2* милліарда вашихъ недоимокъ казнѣ приложить, такъ

вамъ и дѣтямъ и внукамъ вашимъ предстоитъ уплатить всего *8* съ половиной милліардовъ!

Такъ вотъ во что вамъ обходится царское самодержавіе!

А вѣдь государственный долгъ все растетъ да растетъ: съ 1902 года онъ выросъ съ *4* съ половиной *милліардовъ* руб. до *6* съ половиной *милліардовъ* рублей. Изъ года въ годъ растутъ и расходы правительства: въ 1892 году государственные расходы составляли *952.600.000* р., т. е. около *одного милліарда* въ годъ, а на 1903 годъ ихъ насчитывается уже *1.880.000.000* т. е. къ *двумъ милліардамъ* идетъ; это обыкновенныхъ расходовъ только, а съ чрезвычайными въ 1903 году насчитывается 2 милліарда 71 милліонъ; значитъ, за 10 лѣтъ расходы увеличились *вдвое*.

И такъ они все и будутъ расти безъ конца, пока вы не посадите царя и его министровъ *на отчетъ*, — чтобы не смѣли безъ позволенія Всенароднаго Собранія ни расходовать народныхъ денегъ, ни долговъ дѣлать, ни податей накладывать. Въ этомъ весь и секретъ!

Такъ-то, господа крестьяне! если бы вы поняли, что мъ вѣчно голодать придется, вѣчно возиться съ неурожаями; если бы вы знали, что ваши голодовки не отъ бездождія да отъ грѣховъ вашихъ происходятъ, а отъ самодержавнаго правительства и его бѣшеннаго расхищенія вашего добра, тогда—не молились бы вы за царя и всѣхъ своихъ извергов, не лежали бы молча на лавкахъ и печкахъ съ распухшими отъ лебеды животами, глядя на умирающихъ съ голода дѣтей вашихъ, и не надѣялись бы на помощь какого то „земного бога“ или „помазанника“.

Вы слѣзли бы съ печей, вышли бы на сходъ, на улицу и громко заговорили бы, что такъ жить нельзя — не хотите, не позволите! Не стали бы вы унижаться да милости и пощады просить въ своемъ собственномъ селѣ, — вы, тысячи здоровыхъ мужиковъ, — у какого то плюгаваго разбойника — земскаго начальника, станового или урядника. Если бы вы заговорили человѣчьимъ,

а не рабскимъ языкомъ,— хоть въ нѣсколькихъ мѣстахъ, — вашъ голосъ сразу разнесся бы по всей Руси, отозвался бы во всемъ крестьянствѣ, въ городскомъ рабочемъ братѣ и во всѣхъ честныхъ образованныхъ людяхъ на свѣтѣ.

Вы смѣло можете сказать царю и царскимъ холопамъ: „Мы и дѣти наши сами голодны — нѣтъ вамъ податей! Мы сотни лѣтъ кормили васъ — мы голодны теперь, подавайте же намъ хлѣба! Мы и дѣти наши, и скотъ нашъ — пухнемъ и болѣемъ съ голодухи, а посмотрите: по всей странѣ огромные амбары богачей набиты нашимъ хлѣбомъ, который лежитъ безъ пользы или милліонами пудовъ идетъ заграницу на прокормленіе англійскаго и нѣмецкаго скота!“

XIV.

Какъ могутъ крестьяне постоять за себя.

Всю эту горькую правду давно уже открыто и смѣло проповѣдывали русскіе соціалисты изъ образованныхъ людей (интеллигентовъ). Теперь также смѣло начинаетъ говорить и городской рабочій. Очередь теперь за тобой, сельскій труженикъ.

Когда ты голоденъ — не плати податей — открыто, смѣло. Пусть продаютъ скотину, раскрываютъ крыши, отдаютъ тебя подъ судъ. Иди смѣло на судъ и говори тамъ громко всю правду. Ужъ если разоряютъ, такъ пусть разоряютъ явно, а не тайкомъ да исподволь.

Не бойтесь мелкой чиновничьей и полицейской сволочи, которая чуть не ежедневно пріѣзжаетъ къ вамъ на вашихъ же лошадяхъ мудровать надъ вами. Не стойте передъ начальствомъ безъ шапки. Не позволяйте ему охальничать надъ вами или обращаться грубо. Вѣдь большинство-то безобразій надъ вами дѣлаютъ ежедневно изъ за пустяковъ, когда и сами безобразники послѣ боятся, чтобы добрые люди про то не узнали. Если бы крестьяне дружно, міромъ стояли за себя да за оби-

ды спуску не давали, чиновничья сволочь живо свое обращеніе перемѣнила бы.

Каждый разъ, какъ выйдетъ у васъ споръ съ царскими чиновниками, не надѣйтесь на жалобы по начальству, и не ждите отъ него милости, не ожидайте успѣха отъ посылки ходоковъ, — все равно ничего не добьетесь и дальше крыльца васъ не пустятъ, — а защищайте себя сами, сумѣйте сами какъ слѣдуетъ проучить насильника, чтобы въ другой разъ ни ему, ни другимъ неповадно было.

Не позволяйте бить себя или драть розгами — *никому*. Если ударитъ васъ начальникъ, то міромъ скрутите руки драчуну, посадите его подъ арестъ и извѣстите по начальству, чтобы пріѣхали взять этого охальника, который на *человѣка* руку поднялъ, и бьетъ его, какъ скотину.

Пусть начальство само ѣдетъ къ вамъ, а не вы къ нему. Пусть васъ отдаютъ подъ судъ, и на судѣ говорите смѣло, — не какъ преступники, а какъ обвинители. Говорите правду громче, чтобы весь русскій народъ слышалъ васъ, чтобы всѣ знали, что и въ вашемъ углу идетъ борьба съ насильниками. Чѣмъ больше народу будетъ знать объ этой борьбѣ, тѣмъ больше народа будетъ примыкать къ ней. Ваше дѣло поддержать другихъ, пока борьба не охватитъ всю Россію, пока въ каждомъ городѣ, въ каждой деревушкѣ народъ не станетъ дружно возставать противъ всякаго чиновничьяго насилія. Вотъ этого то и боятся царь и опричники.

Когда выйдетъ у васъ какое нибудь крупное столкновеніе съ начальствомъ, старайтесь дать знать о немъ въ городъ — соціалистическимъ комитетамъ. О всякомъ безобразіи и насиліи надъ вами начальства, мы, соціалисты, будемъ въ нашихъ газетахъ писать, — дома и заграницей, чтобы весь свѣтъ зналъ, что надъ вами дѣлаютъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ къ вамъ могутъ и солдатъ пригнать — васъ усмирять.

Братья крестьяне — вы солдатъ боитесь? Но, вѣдь,

они — дѣти ваши! Такъ учите же своихъ дѣтей, когда ихъ угоняютъ отъ васъ въ солдаты, и передъ разставаньемъ родительскую клятву съ нихъ берите, чтобы въ безоружныхъ крестьянъ, городскихъ рабочихъ, не стрѣляли и начальства своего не слушали, когда оно надъ мужиками и рабочими прикажетъ безчинствовать.

Скажите своимъ дѣтямъ-рекрутамъ, что клятва своему народу, своему отцу и матери, — выше подневольной царской присяги. Солдаты назначены для защиты своей родины, своего народа отъ иноземныхъ нашествій, а не для казней и разстрѣловъ своихъ отцовъ и матерей, бра ьевъ и сестеръ.

Вонъ нѣмецкій императоръ Вильгельмъ II всѣмъ рекрутамъ своимъ безъ всякаго стыда прямо говоритъ: „Вы, говоритъ, теперь присягнули мнѣ, императору; это значитъ, что отнынѣ у васъ не должно быть ни разума своего, ни воли: прикажу въ отца-мать стрѣлять, — должны стрѣлять безъ разсужденія. Воинская дисциплина того требуетъ“.

Нашъ-то царь, положимъ, рѣдко изъ дворца выглядываетъ и къ солдатамъ съ такими рѣчами не обращается. Онъ знаетъ, что сынъ-солдатъ все равно въ отца-мать стрѣлять не будетъ, если свое село усмирять пошлютъ. Но царь со своими опричниками пользуется солдатской да мужицкой простотой. Пензенскихъ солдатъ посылаетъ усмирять курскихъ крестьянъ-отцовъ, а курскіе сыновья-солдаты тѣмъ временемъ пензенскихъ отцовъ разстрѣливаютъ. Стрѣляютъ солдатики, колютъ штыками и бьютъ прикладами — словно будто чужихъ мужиковъ, — какъ будто и не больно жалко, — а про то не вѣдаютъ, что въ это же время на ихъ родинѣ въ ихъ отцовъ тоже стрѣляютъ солдаты, и тоже какъ будто въ чужихъ. Вотъ такъ-то темный народъ самъ себя и усмиряетъ.

Поэтому-то и нужно крестьянамъ загодя съ сыновей клятвы брать — въ крестьянина и рабочаго никогда не стрѣлять и надъ своимъ братомъ-крестьяниномъ не охальничать, несмотря ни на какую присягу царю и

приказанія начальства, — чтобы не могли правители пользоваться темнотою народною.

Да, велика темнота народная, и много горя черезъ нее терпитъ народъ! И нужно съ этой темнотой неустанно бороться. Доставайте и читайте газеты и всѣ хорошія книжки, какія только всѣ люди въ городахъ читаютъ, и какія въ книжныхъ лавкахъ въ городѣ продаются, а не только тѣ, что вамъ начальство читать позволяетъ, да попы подсовываютъ. Въ сельскихъ библіотекахъ, въ народныхъ читальняхъ не дозволено держать многихъ полезныхъ для народа книгъ. Спрашивайте у образованныхъ людей, какія хорошія книжки есть, доставайте и читайте ихъ открыто, а не таючись. Если будутъ такія книги или газеты отнимать, — не давайте, а скажите, чтобы судили васъ за то, что вы читаете то, что всѣмъ другимъ читать дозволено.

Въ каждомъ селѣ и волости составляйте тайные крестьянскіе союзы, подбирайте хорошую компанію честныхъ и толковыхъ мужиковъ, сходитесь и съѣзжайтесь почаще, толкуйте о всѣхъ дѣлахъ; старайтесь общеніе между всѣми хорошими и умными крестьянами устроить, совѣтуйтесь другъ съ другомъ, поддерживайте другъ друга въ общей борьбѣ противъ всякаго насилія; сговаривайтесь дѣйствовать согласно и дружно.

Заводите постоянныя сношенія съ кѣмъ либо изъ честныхъ людей въ ближайшемъ городѣ, а черезъ нихъ съ соціалистами. Если вамъ только захотѣть, то всегда соціалисты для васъ и книжекъ хорошихъ достанутъ и совѣтами вамъ помогутъ.

Читайте сами и по *секрету* давайте читать всѣмъ умнымъ и хорошимъ крестьянамъ *запрещенныя* книжки, печатные листки, письма и воззванія, которые разсылаются вамъ нами, соціалистами. Въ этихъ листкахъ васъ будутъ извѣщать, — что дѣлаютъ рабочіе и крестьяне въ другихъ мѣстахъ Россіи, что противъ васъ начальство замышляетъ и какъ противъ него обороняться.

Да, рабочіе и крестьяне! Довольно чиновничьей лжи, завыванья поповъ по церквамъ о здравіи нашихъ закля-

тыхъ враговъ — царей, ихъ прихвостней и чиновныхъ холоповъ —

Полно вамъ подъ дудку царскую плясать;
Нѣтъ, давайте на своей дудѣ играть...

XV

Что такое Рабочій Классъ?

Рабочіе и крестьяне! Мы, соціалисты, обращаемся и будемъ обращаться къ вамъ, не какъ къ отдѣльнымъ крестьянамъ села Неѣловки, или Горѣловки, не къ каменьщику Петру и не къ Ивану ткачу, а какъ къ одной трудовой семьѣ, какъ къ одному рабочему народу, одному *рабочему классу*.

Отдѣльный крестьянинъ земледѣлецъ любого села, отдѣльный рабочій любой фабрики, завода, ремесла или цеха — это капля въ морѣ; каждый изъ васъ порознь представляетъ собою былинку въ полѣ, которую вотъ уже цѣлые вѣка безнаказанно топчетъ и гнетъ къ землѣ всякая чиновная сошка. Если же взять всѣхъ васъ въ цѣломъ, какъ одну семью, какъ единый *рабочій классъ*, единый трудовой народъ — посмотрите, что выходитъ. Посмотрите — кто ежегодно вспашетъ, засѣетъ и покроетъ изъ конца въ конецъ всю русскую землю благодатной цвѣтущей нивой? Кто скоситъ, сожнетъ и соберетъ золотистый хлѣбъ въ такихъ несмѣтныхъ количествахъ, что имъ кормятся и другія страны? Посмотрите на дворцы и палаты, заводы и фабрики, пароходы и желѣзныя дороги — кто ихъ возвелъ, построилъ, отдѣлалъ и пустилъ въ ходъ? Посмотрите на базары и ярмарки, на городскія лавки и магазины съ безчисленными товарами — чьихъ рукъ вся эта работа? Ни одинъ рабочій не можетъ сказать — это мнѣ принадлежитъ. Но весь рабочій людъ цѣликомъ, или, какъ говорится, весь *рабочій классъ*, можетъ смѣло сказать: нѣтъ ничего ни на водѣ, ни на землѣ,—что бы не было сдѣлано моими руками.

Посмотрите на поповскія ризы, на церковные колоко-

ла, на бумагу въ волостномъ правленіи, на мундиры офицеровъ, солдатъ и чиновниковъ, на ихъ кресты и медали, на шелка и сукна богатыхъ людей, на пушки, на ружья и плети, которыми усмиряютъ васъ — все это сдѣлано вашими-же руками. Всѣ чудеса науки и искусства на свѣтѣ — все создается и поддерживается, благодаря трудовой, творческой силѣ *рабочаго класса.*

Отдѣльный рабочій — ничто! *Рабочій классъ* въ цѣломъ — всемогущая сила!

И пока весь рабочій народъ не пойметъ этого, пока каждый рабочій не перестанетъ думать и говорить — „моя хата съ краю, я ничего не знаю“ — и не соединится съ другими, до тѣхъ поръ не добиться ему ни лучшей доли, ни свободы, ни признанія его за человѣка. Весь свой вѣкъ будетъ онъ жить въ темнотѣ, будетъ биться, какъ рыба объ ледъ, ковыряя землю ломанной сохой на исхудалой лошаденкѣ, день и ночь забивая гвозди въ сапогъ, штопая иглой, копаясь, какъ слѣпой кротъ, въ шахтахъ подъ землей или отравляясь копотью хозяйскихъ фабрикъ — недоѣдая и недосыпая, въ холодѣ, грязи и безпросвѣтной нуждѣ.

Настали на Руси тяжелыя времена для всего трудового народа, для всего рабочаго класса. Нѣтъ силъ выбиться изъ нужды каждому отдѣльному рабочему; пора, наконецъ, взяться за умъ и сообща, дружно, отстаивать общее рабочее дѣло, не разбирая ни ремесла, ни рода занятій, въ селѣ и въ городѣ, на землѣ и на фабрикѣ.

И вотъ, всѣ мы, соціалисты,—ученые и не ученые, фабричные и крестьяне — всѣ, кто понялъ, что отдѣльно каждому не выбит ся изъ рабства, кабалы и нужды, — давно уже рѣшили тайно и явно бороться не на животъ, а на смерть съ нынѣшними порядками, со всѣми надменными и гордыми владыками народа — съ царями, съ ихъ министрами и чиновниками, съ дворянами-помѣщиками, съ богачами-капиталистами, которые связали по рукамъ и ногамъ весь рабочій классъ, — кто штыкомъ, кто рублемъ, — разбили, разъединили народъ;

ограбили его до того, что милліоны трудовыхъ крестьянъ не имѣютъ земли и голодаютъ; рабочіе волкомъ воютъ отъ безработицы, а тѣ, что имѣютъ работу, работаютъ какъ бы изъ милости на немногихъ капиталистовъ, овладѣвшихъ всѣми благами на свѣтѣ, созданными *рабочимъ классомъ*.

XVI

Всемірный рабочій праздникъ 1-го Мая.

На міру, говорятъ, и смерть красна, а одинъ въ полѣ — не воинъ. Отдѣльные крестьяне въ селѣ, отдѣльныя села въ странѣ, отдѣльные рабочіе въ городѣ — все-таки разрознены, не видятъ, что въ другихъ мѣстахъ дѣлается. Волнуются почти что повсюду, а другъ друга не знаютъ, скликнуться другъ съ другомъ не умѣютъ. Вотъ и кажется каждый самъ себѣ такимъ слабымъ да одинокимъ. „Ну, что“, говоритъ, „могу я подѣлать съ такой страшной силой, какъ правительство: у него и полиція, и войска, а я одинокій... Плетью обуха не перешибешь!“.

А, вѣдь, если бы всѣ недовольные не ходили съ завязанными глазами, словно въ жмурки играючи; если бы всѣ тѣ рабочіе, и крестьяне, и студенты, которые теперь то въ одномъ, то въ дру омъ мѣстѣ начинаютъ волноваться, когда ужъ совсѣмъ станетъ не въ терпежъ, — кабы всѣ они съумѣли дѣйствовать вмѣстѣ и дружно, тогда у нихъ разомъ бы прибыло и смѣлости, и силы, а правительство скоро бы посбавило спѣси и запѣло бы совсѣмъ другимъ голосомъ. Можетъ быть, даже добровольно отдало бы многое изъ того, что рабочіе люди требуютъ, не дожидаясь, пока они возьмутъ силой.

Въ другихъ странахъ, гдѣ рабочій народъ проснулся гораздо раньше, чѣмъ у насъ, это давно уже поняли. Но тамъ гораздо свободнѣе, чѣмъ у насъ. Поэтому, для защиты своихъ правъ рабочіе тамъ невозбранно и безпрепятственно соединяются въ особыя общества; эти общества выбираютъ уполномоченныхъ, тѣ съѣзжаются,

столковываются, чтобы всѣмъ стоять за одно. Мало того, не только въ одной странѣ, а изъ разныхъ странъ отъ рабочихъ, отъ соціалистовъ съѣзжаются уполномоченные, сговариваются, чтобы рабочимъ людямъ всего свѣта стоять за себя одинаково и другъ друга поддерживать противъ общихъ враговъ. Иначе и нельзя. Цари и милліонеры всего міра хоть и ссорятся между собой, а противъ рабочихъ всегда готовы соединиться и дѣйствовать сообща. Вотъ и рабочіе люди противъ нихъ образуютъ свой *всемірный союзъ*.

Цари, чтобы нагнать страхъ на свой народъ и на чужихъ враждебныхъ царей, устраиваютъ своимъ войскамъ смотры и парады. И рабочіе всего міра, на съѣздѣ въ Парижѣ въ 1889 году, порѣшили *въ одинъ и тотъ же день* устраивать смотръ своимъ силамъ. На 1-ое мая — а по нашему календарю на 18 апрѣля — былъ назначенъ этотъ всемірный рабочій праздникъ. Въ этотъ день рабочіе стали повсюду выходить на улицы громадными толпами, съ знаменами, съ музыкой, съ пѣніемъ пѣсенъ о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Стройными рядами, въ порядкѣ движутся рабочіе батальоны. И вездѣ у нихъ одинъ и тотъ же кличъ: *Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь! Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день! Долой насильниковъ! Долой войну! Да здравствуетъ всеобщій миръ и всеобщее братство!*

Когда впервые начали праздновать 1-ое мая, то въ этотъ день собирались на сходки и двигались толпами по улицамъ только немногіе, самые смѣлые, сознательные начитанные рабочіе. Но съ каждымъ годомъ все больше и больше прибавлялось къ нимъ народу. И при видѣ того, какъ растетъ и крѣпнетъ народная сила, прибавлялось духу у защитниковъ рабочаго дѣла, а враги его только безсильно скрежетали зубами. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще цари сохранили за собой много власти, въ день 1-го мая на улицахъ полиція пробуетъ разгонять рабочихъ; происходятъ шумныя свалки и драки. Но отъ этого дѣло враговъ рабочаго люда не поправля-

ется. Цари и начальство только больше ожесточаютъ противъ себя рабочихъ людей...

Попы справляютъ свои церковные праздники, чиновники — царскіе дни. У рабочихъ есть тоже свой праздникъ. *Первое мая* — праздникъ весны, тепла, свѣта; проводы лютой зимы, которая своимъ ледянымъ дыханьемъ сковываетъ и замораживаетъ въ природѣ все живое. Этотъ день какъ нельзя больше подходитъ для рабочаго праздника. Рабочій людъ всего свѣта тоже празднуетъ свое пробужденіе, свое близкое освобожденіе отъ оковъ угнетателей, возрожденіе къ новой, свѣтлой, свободной и радостной жизни.

Понемногу и русскіе рабочіе начали просыпаться, приставать къ всемірной рабочей семьѣ и къ всемірному рабочему празднику. И въ первый же годъ оказались чудеса. Все было тихо, всякъ думалъ, что онъ одинъ-одинешенекъ, безсильная былинка въ полѣ; а тутъ вдругъ сразу въ одинъ день въ разныхъ городахъ рабочіе — гдѣ десятками, гдѣ сотнями, а гдѣ и тысячами—не пошли на работу, устроили себѣ праздникъ; гдѣ собрались тайно на сходки по домамъ, по нѣсколько десятковъ человѣкъ; гдѣ устроили сходбища сотнями за городомъ да въ лѣсу; а гдѣ чувствовали себя посильнѣе, тамъ вышли прямо и открыто на улицу. Всѣ трезвы, никто не пьянъ, до водки и не касаются, а всѣ веселы, у всѣхъ лица праздничныя, да на особый ладъ; держатъ себя стройно, какъ солдаты на смотру, да поютъ пѣсни о борьбѣ за свободу и счастье рабочаго люда. Кажется, никому никакого вреда не сдѣлали — велика ли штука пѣсня? А капиталисты и правительство переполошились такъ, какъ никогда. А отчего? оттого, что воочію увидѣли, какъ рабочіе становятся изъ разрозненныхъ согласными, дѣйствуютъ за одно по всей странѣ, скликнулись, условились другъ съ другомъ, ведутъ себя по общему плану, какъ настоящая армія.

На слѣдующій годъ царь и начальство стали ужъ къ Первому Мая всю полицію и даже войска держать на

готовѣ. А рабочихъ еще больше не пошло на работу, еще больше собралось тайно и явно. Понравилось имъ показать всѣмъ своимъ врагамъ дружное согласіе рабочаго люда безъ различія вѣры и націи; понравилось и самимъ хот разъ въ годъ полюбоваться на свою сомкнутую рабочую силу, посчитать приростъ сознательныхъ друзей, товарищей по общему дѣлу на жизнь и смерть. Былъ тутъ и ткачъ, и сапожникъ, и слесарь, и заводской, фабричный рабочій, мужчины и женщины, — всѣ смѣшались, слились, и толпа превратилась въ передовой отрядъ одной могучей всероссійской арміи труда, одного всероссійскаго *рабочаго класса.*

Видитъ правительство, что подъ видомъ этого мирнаго празднества смерть приходитъ его самовластію, его дикимъ и жестокимъ порядкамъ. Стало оно къ каждому Первому Мая усиленно преслѣдовать, хватать и высылать рабочихъ, разгонять на улицахъ явныя сходбища (демонстраціи). И пошли ежегодно все сильнѣе и сильнѣе схватки на улицахъ. Наконецъ, въ 1901 году, въ сороковую годовщину объявленія крѣпостному народу воли, должно быть переполнилась чаша терпѣнія угнетенныхъ. По всѣмъ крупнымъ городамъ по нѣсколько дней продолжались волненія. Выходили на улицу и 1-го Мая, и 19-го Февраля, и въ другіе дни. Волновались студенты, волновались и рабочіе; къ нимъ приставала большая часть простонародья и даже многіе изъ образованныхъ и достаточныхъ людей. И теперь, годъ отъ году эти волненія все растутъ и растутъ.

Теперь ужъ не прежнія времена! Честные образованные люди и студенты пристаютъ къ рабочимъ; рабочіе при всѣхъ студенческихъ волненіяхъ заступаются за студентовъ; и такимъ путемъ всѣ униженные и угнетенные русскіе люди мало-по-малу объединяются въ соціалистическую партію, и начинаютъ дѣйствовать не зря, а обдуманно и по уговору противъ самодержавія и полицейскаго насилія.

XVII

Всенародный русскій праздникъ 19-го Февраля.

Одно крестьянство на Руси до сихъ поръ все стояло въ сторонѣ, и хотя тоже безпрестанно боролось, но боролось разрозненно, съ завязанными глазами и отдѣльно отъ городскихъ рабочихъ. И вотъ теперь пришло время всеобщаго объединенія всѣхъ угнетенныхъ. И давно пора! Для этого соціалисты-рабочіе на фабрикахъ и заводахъ, вышедшіе изъ крестьянъ, должны поддерживать самыя тѣсныя сношенія съ родными и знакомыми въ деревнѣ, должны распространять между ними написанныя для крестьянъ книжки, побуждать и крестьянъ къ борьбѣ за свои права; должны сообщать соціалистическимъ комитетамъ, обо всѣхъ насиліяхъ и притѣсненіяхъ начальства и крупныхъ землевладѣльцевъ надъ крестьянами, чтобы можно было тотчасъ же огласить въ газетахъ, или тайно разсылать по всей Россіи вѣсти объ этихъ безчинствахъ, и, если нужно, толпой выступать на улицы съ кликами: „Долой насильниковъ! долой полицію! долой чиновниковъ! долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода, да здравствуетъ народное самоуправленіе! Да здравствуетъ *настоящая*, а не фальшивая, — *народная*, а не царская воля! Да здравствуетъ новое, народное самоосвобожденіе, новое народное 19 Февраля!“

Но для того, чтобы на самомъ дѣлѣ связать всѣ эти отряды въ одну цѣльную всенародную русскую рабочую армію, необходимо открыто дѣйствовать по общему уговору, всѣмъ разомъ, повсюду и одновременно. А для этого и порѣшили вотъ что. Какъ рабочіе-соціалисты всѣхъ странъ для своего объединенія избрали себѣ праздникомъ 1-ое Мая, такъ и русскіе соціалисты: крестьяне, рабочіе, и сочувствующіе дѣлу свободы образованные люди, а также студенты, гимназисты, се-

минаристы должны избрать своимъ общимъ всенароднымъ праздникомъ 19-го Февраля — день, когда русскій народъ долженъ былъ получить истинную волю, а ему подсунули царскую, дворянско-чиновничью. И будетъ весь русскій трудовой народъ, всѣ лучшія силы Русской Земли, ежегодно 19 Февраля праздновать въ городахъ и селахъ—только не восшествіе на престолъ и не обманный царскій манифестъ о волѣ, а свое пробужденіе, — и будетъ этимъ празднованіемъ требовать себѣ земли и настоящей воли, похищенной у него царемъ и дворянами.

Крестьяне и сельскіе рабочіе! за вами теперь очередь. Въ этотъ день вы должны знать, что вы — не одни, Какъ бы ни было тихо въ этотъ день въ вашемъ глухомъ селѣ, не смущайтесь этимъ. По всѣмъ городамъ братья ваши, городскіе рабочіе, студенты и всѣ честные и смѣлые русскіе люди, желающіе добра рабочему люду, будутъ праздновать съ вами этотъ день, будутъ выходить на улицы и площади и громко требовать отъ царя и его правительства земли и воли всему народу. Такъ рѣшено у насъ. Пусть же и для васъ, крестьяне, этотъ день 19 Февраля будетъ всенароднымъ праздникомъ. Испоконъ вѣковъ вамъ навязывали свои праздники попы да чиновники, — пусть же теперь будетъ у васъ свой собственный праздникъ.

Пусть въ этотъ день 19 Февраля не только вы, но и ваши жены и дѣти одѣнутся въ свои лучшія одежды, пусть онѣ выйдутъ съ вами на улицы или соберутся въ избахъ и поютъ въ этотъ день новыя пѣсни о народной свободѣ, о народной правдѣ, о борьбѣ за народныя права и землю. Довольно быть рабами богатыхъ, денежныхъ тузовъ, царей и чиновниковъ, довольно надрывать свою грудь тоскливыми пѣснями о злой долюшкѣ. Пойте въ другіе дни о своей несчастной долѣ, но въ день 19-го Февраля научитесь пѣть новыя, бодрыя и смѣлыя пѣсни о свободѣ. Празднуйте же этотъ день на всѣ лады.

Кто живетъ поближе, особливо въ пригородныхъ се-

лахъ,—валомъ валите 19-го Февраля въ городъ,—тамъ вмѣстѣ съ рабочими и всѣми друзьями нашего дѣла сообща можно будетъ устроить праздникъ повнушительнѣе. Кто живетъ отъ города слишкомъ далеко и тащиться туда несподручно, — выберите вблизи какое нибудь большое торговое или волостное село, и пусть туда изъ всѣхъ ближнихъ мѣстъ собирается народъ,— чѣмъ больше васъ будетъ праздновать этотъ праздникъ, чѣмъ больше народа узнаетъ объ немъ,— тѣмъ лучше.

Если же очень мало на первыхъ порахъ найдется въ иномъ мѣстѣ подходящихъ людей,—не робѣйте: вездѣ и всегда дѣло начиналось съ малаго. А не начнетъ одинъ, не начнутъ двое, либо десятокъ,—такъ никогда не дождутся большаго.

Пусть же всѣ крестьяне, въ день 19 Февраля, какъ и 1 Мая, знаютъ и не забываютъ, что въ это самое время,—въ этотъ самый часъ, можетъ быть,—по всей Руси празднуютъ, поютъ пѣсни о свободѣ и о вольной землѣ или бьются на улицахъ съ полиціей его братья и друзья—городской рабочій народъ, фабричные, студенты и всѣ смѣлые и честные русскіе граждане, нестерпѣвшіе царящей неправды; и пусть они не сомнѣваются, что, если они сейчасъ въ своемъ селѣ почти одиноки, такъ это—лишь начало всему. Черезъ годъ, черезъ два вмѣсто одинокаго мужика или одинокой семьи высыпетъ на улицу весь народъ, соберутся изъ окрестныхъ сосѣднихъ селъ вмѣстѣ, соберутся и въ городахъ, такъ что начальству со своей полиціей и войскомъ неизвѣстно будетъ, куда и дѣваться: то ли по разнымъ селамъ разослать, чтобы не допускать тамъ сходбищъ, то ли собрать всѣхъ въ городѣ, потому что здѣсь больше всего скопится народу.

Начинайте же! Лучшіе пусть будутъ впереди! Пусть засуетятся урядники, становые, помѣщики, земскіе начальники. Пусть и вѣковѣчные ихъ прихвостни,—попы, перевирая все на свой ладъ, начнутъ строчить по начальству доносы, что вотъ-де завелась такая секта новая,—не спросясь поповъ и урядниковъ, свои праздни-

ки устанавливаетъ: какое-то новое *19 Февраля* выдумали, и чествуютъ его, подпоясываясь *красными* кушаками...

Но погодите, вы, попы и чиновники. Довольно вы морочили рабочій народъ: скоро кончится ваша масляница, недалеко ужъ вашъ великій постъ. Передъ вами не секта стоитъ, а новая вѣра рабочая. И нѣтъ въ этой вѣрѣ ни обманщиковъ-поповъ, ни уставщиковъ, а всѣ въ ней — истинные братья, всѣ стоятъ за общее братство, равноправіе и любовь, всѣ—противъ неправды и угнетенія человѣка человѣкомъ И разгорится эта новая вѣра изъ маленькой искры въ великій пожаръ, и пламя народной свободы охватитъ сердца всѣхъ угнетенныхъ, страждующихъ, труждающихся и обремененныхъ, и широкой волной разольется оно по всему лицу Русской Земли, и съ корнемъ выжжетъ въ ней всю царящую неправду.

XVIII.

Отчего бунты бываютъ и какъ отъ нихъ избавиться.

Иной человѣкъ, прочитавши все, что здѣсь написано, пожалуй, головой покачаетъ: „Вишь,—скажетъ,—чему соціалисты учатъ — бунту! Подговариваютъ силкомъ правды добывать! Нешто это хорошо—бунтовать да начальства не слушаться!“

Но если подумать хорошенько, то окажется, что все это—только одни пустыя слова.

Что и говорить, — на что ужъ лучше, кабы можно было миркомъ да ладкомъ правды добиться; ну а если окажется, что нельзя? Что тогда дѣлать? — покориться, терпѣть и молчать? Но вѣдь не даромъ говорится: „дитя не плачетъ — мать не разумѣетъ“, „подъ лежачій камень и вода не течетъ“.

Соціалисты не бунту учатъ, а тому, какъ народу совсѣмъ отъ бунтовъ навсегда избавиться. Народъ и безъ соціалистовъ то тамъ, то сямъ изъ года въ годъ бун-

туетъ. Посмотримъ же хорошенько—кто это, въ самомъ дѣлѣ, народъ на бунты подталкиваетъ?

Весь русскій народъ живетъ теперь подъ *самодержавнымъ порядкомъ*, а самодержавіе — это такой порядокъ управленія, при которомъ всѣ дѣла вершатся чиновниками, назначенными не по выбору самого населенія, а —помимо воли народа; и потому—смѣнить такихъ лицъ, исправить то, что они напакостятъ, никто не можетъ, — не можетъ даже весь народъ, если того не пожелаетъ высшее начальство. *При самодержавіи народъ существуетъ для правительства, а не правительство для народа.*

И потому, если высшіе и низшіе правители, избалованные большой властью, окажутся людьми негодными, какъ это и бываетъ при самодержавіи, — то у народа нѣтъ другихъ способовъ самозащиты отъ ихъ озорства, кромѣ бунтовъ; и нѣтъ другихъ способовъ избавиться овсѣмъ отъ угнетеній, кромѣ какъ — возстать и прогнать силой всю эту шайку. А потому, при самодержавныхъ порядкахъ безъ борьбы и безъ всенароднаго возстанія дѣло обойтись никакъ не можетъ. Само правительство, сами начальники толкаютъ народъ на бунты; и бунты эти не прекратятся до тѣхъ поръ, пока народъ не добьется такихъ порядковъ, чтобы всякое село, всякая волость, или уѣздъ, или губернія и все государство управлялись не царскими самовластными чиновниками, а выборными людьми, отвѣтственными передъ народомъ.

Во всѣхъ странахъ свѣта всѣмъ народамъ приходилось или приходится до сихъ поръ силой вырывать себѣ свободу и самоуправленіе отъ своихъ царей, королей и другихъ правителей. Въ однѣхъ странахъ народъ успѣлъ добыть себѣ свободы больше, въ другихъ — меньше. Въ нѣкоторыхъ странахъ и совсѣмъ отдѣлались отъ царей и королей, а вмѣсто нихъ назначаютъ выборнаго президента на срокъ: понравится онъ— выбираютъ его и на новый срокъ; не понравится—даютъ ему по шапкѣ.

Но выбрать человѣка въ правители еще не достаточно для хорошаго управленія. Если человѣка выбрать да оставить затѣмъ на всей его волѣ, то и опять придешь къ тому же, что и теперь. А надо, чтобы во время службы всѣ выборные—отъ мала до велика—были у міра *на отчетѣ*, и чтобы каждый человѣкъ могъ зорко слѣдить за ними, говорить и писать про всякіе непорядки ихъ безпрепятственно. Народъ имъ платитъ жалованье, народъ имъ хозяинъ,—передъ народомъ они должны и отвѣтъ держать; коли плохо служатъ, нар дъ можетъ ихъ и смѣстить, если захочетъ. Къ этому теперь дѣло и идетъ во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ; это и называется *политической свободой* и *самоуправленіемъ*.

А что у насъ въ Россіи? У насъ — *самодержавіе!* У насъ царь — словно помѣщикъ всея Руси, а мы, весь русскій народъ, сто сорокъ милліоновъ душъ—его крѣпостные холопы! Хочетъ — казнитъ, хочетъ — милуетъ. Кого захочетъ разорить и уничтожить, —разоритъ и уничтожитъ; кого захочетъ наградить— сдѣлаетъ дворяниномъ, вельможей, министромъ или милліонеромъ; захочетъ цѣлый край отдать въ ежевыя рукавицы какому нибудь чиновнику — отдастъ; захочетъ — и завтра же новый законъ издастъ, а послѣ завтра опять его отмѣнитъ.

Какъ встарь у помѣщиковъ были свои любимцы, приближенные, дворовые, бурмистры, шуты и скоморохи, такъ и въ царскомъ самодержавномъ помѣстьи есть цѣлыя сословія, которымъ и при самодержавномъ баринѣ живется весело, вольготно на Руси. Эти, конечно, и спѣшатъ да и не желаютъ вовсе разстаться со своимъ рабствомъ. Но люди честнаго труда, всѣ притѣсненные, всѣ униженные и оскорбленные должны—или покорно нести свою долю до скончанія вѣка, или возстать а своихъ притѣснителей и смѣло,кровью своей добиваться свободы. Другого выхода нѣтъ для нихъ. Не они виноваты въ бунтахъ и кровавой борьбѣ, а виноваты ихъ притѣснители.

Вотъ почему мы и призываемъ всѣхъ рабочихъ людей добиваться прежде всего сверженія самодержавія и введенія свободнаго, выборнаго управленія во всей странѣ.

Выходите же въ дни праздниковъ народнаго пробужденія и народной свободы—1 мая и 19 февраля—всѣ вы, униженные и оскорбленные, изъ своихъ курныхъ избъ, подвальныхъ этажей и закоптѣлыхъ фабрикъ, —выходите на вольный свѣтъ, на улицы, на площади; празднуйте на всѣ лады эти праздники, и тамъ, гдѣ соберется васъ побольше, въ городахъ,—идите по людныхъ улицамъ, сомкнувшись стройными рядами, торжественной процессіей,—но не съ иконами и хоругвями впереди, а съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ. Держите крѣпко и защищайте стойко это знамя свое, гдѣ написаны наши священнѣйшія заповѣди: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ Земскій Соборъ! Долой новое крѣпостное право! Да здравствуетъ всеобщая свобода и всеобщій трудъ! Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Къ вамъ пристанутъ всѣ честные и лучшіе изъ образованныхъ людей нашей страны, всѣ тѣ друзья рабочаго люда, которые, хотя и могли, но не захотѣли пользоваться трудовымъ народнымъ потомъ-кровью, которые давно уже борются и страдаютъ за свою и вашу свободу.

И дружнымъ хоромъ запоемъ мы тогда всѣ вмѣстѣ нашу родную пѣсню, подъ которую спорится и кипитъ всякое трудное дѣло: „Эй, дубинушка, ухнемъ!“ Еще разъ сослужитъ намъ службу въ борьбѣ съ угнетателями эта родная „дубина“. Громовыми раскатами пронесется по всей Русской Землѣ наша пѣсня, перелетитъ она черезъ всѣ заставы и границы, и, слившись съ свободными пѣснями другихъ народовъ, опрокинетъ троны тирановъ и заставитъ поблѣднѣть царящую на землѣ неправду.

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ Земскій Соборъ! Да здравствуетъ Земля и Воля! Да здравствуетъ соціализмъ!

ЦАРЬ И МУЖИКЪ.

Говорили царю:—„Бѣденъ, теменъ мужикъ.
Повели, государь, просвѣтить мужика!“
„Не мелите вы чушь,—съ сердцемъ вымолвилъ царь,
Для чего это мнѣ просвѣщать мужика?
Для чего и къ чему?

Если подать когда къ сроку онъ не отдалъ,
Такъ за это ему сорокъ розогъ вкатить!..
Если бѣденъ мужикъ, значитъ пьянствовать сталъ.
А за пьянство его ужъ не миловать стать!
Сыпь полсотни ему!

Онъ теперь терпѣливъ, молчаливъ, какъ стѣна;
И хвала, и почетъ мнѣ теперь отъ него;
А попробуй-ка я, позаботься о немъ,
Подучи, просвѣти хоть немножко его...
Такъ онъ ужъ и того!

Онъ не станетъ тогда и властей признавать
Да и подать платить перестанетъ совсѣмъ;
И богатъ будетъ онъ... Да какой же мнѣ толкъ?..
Скажетъ: „самъ я уменъ... обойдусь безъ царя!..
Значитъ, къ чорту его!..“

И не сладить тогда никому съ мужикомъ:
Онъ силенъ, какъ медвѣдь, своенравенъ, какъ быкъ...
Да на счастье мое неразвитъ, неученъ,
И въ придачу къ тому жъ онъ тяжелъ на подъемъ...
Не то бъ, боже спаси!..

Нѣтъ!.. ужъ мнѣ мужика не пристало учить;
Всероссійскую тьму ужъ не мнѣ разгонять!
Хоть и бѣденъ мужикъ,—да онъ подать несетъ;
Онъ коснѣетъ во тьмѣ... ну, такъ что жъ?!..
Вѣдь за то я и царь на Руси!

ДУБИНУШКА.

Много пѣсенъ слыхать на родной сторонѣ,
Въ нихъ про горе и радость поется;
А изъ всѣхъ этихъ пѣсенъ слышнѣе всего
Про дубинушку пѣснь раздается.

Ой, дубинушка, ухнемъ!
Ой, зеленая, сама пойдетъ, сама пойдетъ.
Подернемъ, подернемъ! Ухъ!

Англичанинъ хитрецъ, чтобъ работѣ помочь,
Изобрѣлъ за машиной машину,
А у насъ мужиковъ, коль работать не въ мочь,
Запѣваютъ родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Насъ и мучатъ, и бьютъ, и семь шкуръ съ насъ
дерутъ,
Намъ терзаютъ избитую спину,
Но довольно терпѣть; не пора ль намъ запѣть
На иной ладъ про ту же дубину?

Ой, дубинушка... и т. д.

Скоро время придетъ, и проснется народъ:
Разогнетъ онъ избитую спину
И въ родимыхъ лѣсахъ на враговъ подберетъ
Здоровѣе и крѣпче дубину.

Ой, дубинушка.....

